

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**МАТЕРИАЛЫ
55-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

МНСК–2017

17–20 апреля 2017 г.

СОЦИОЛОГИЯ

**Новосибирск
2017**

УДК 31
ББК 60.5я431

Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: Социология / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. – 98 с.

ISBN 978-5-4437-0634-4

Научный руководитель секции – канд. социол. наук Черкашина Т. Ю.

Председатель секции – д-р. экон. наук, проф. Мкртчян Г. М.

Ответственный секретарь секции –
Бородихина И. А.

Экспертный совет секции

канд. социол. наук, доцент Богомолова Т. Ю.

канд. экон. наук, доцент Горяченко Е. Е.

канд. социол. наук Ечевская О. Г.

Иванова В. В.

канд. экон. наук, доцент Капелюк С. Д.

Коржук С. В.

канд. социол. наук Малов К. В.

д-р социол. наук, доцент Михеева А. Р.

канд. социол. наук Мосиенко Н. Л.

Чернышова Е. А.

канд. социол. наук Чудова И. А.

ISBN 978-5-4437-0634-4

© Новосибирский государственный
университет, 2017

**NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**PROCEEDINGS
OF THE 55th INTERNATIONAL STUDENTS
SCIENTIFIC CONFERENCE**

ISSC-2017

April, 17–20, 2017

SOCIOLOGY

**Novosibirsk, Russian Federation
2017**

Proceedings of the 55th International Students Scientific Conference.
Sociology / Novosibirsk State University. – Novosibirsk, Russian Federation.
2017. – 98 pp.

ISBN 978-5-4437-0634-4

Section scientific supervisor – Cand. Sociol., Assoc. Prof Cherkashina T. Ju.

Section head – Dr. Econ., Prof. Mkrtchan G. M.

Responsible secretary – Borodikhina I. A.

Section scientific committee

Cand. Sociol. Bogomolova T. Yu.

Cand. Econ. Goryachenko E. E.

Cand. Sociol. Echevskaya O. G.

Ivanova V. V.

Cand. Econ. Kapelyuk S. D.

Korzhuk S. V.

Cand. Sociol. Malov K. V.

Dr. Sociol. Mikheeva A. R.

Cand. Sociol. Mosienko N. L.

Chernyshova E. A.

Cand. Sociol. Chudova I. A.

Дегуманизация и деперсонификация рядовых субъектов командно-приказной системы управления

Альмухаметов Р. Ш.

Институт экономики и ОПП СО РАН, г. Новосибирск

Установленный принцип частично комплектовать рядовой состав Российской Армии и Флота военнослужащими по призыву, разработанный в конце XIX в. и в общих чертах практикуемый в настоящее время, не имеет сбалансированного механизма мотивации срочнотрудовых на добросовестное исполнение своих обязанностей.

В связи с этим в рамках командно-приказной системы управления рядовым личным составом широкое распространение получил обезличенный характер обращения в отношении подчиненных, с применением различных форм насилия, для установления идеального послушания. Последнее, нередко, выступает условием и гарантом возможности психологической, материальной и физической эксплуатации рядового состава в личных корыстных целях.

Данная ситуация опасна как временным обострением в воинском подразделении негативных социально-психологических феноменов (взаимная враждебность), так и формированием устойчивых личностных деформаций (замкнутость, повышенная агрессивность), способных нарушить конструктивный процесс жизнедеятельности молодого человека после службы. Это порождает сомнения общественности в социальной значимости института Армии, что негативным образом отражается на боеспособности Вооруженных Сил страны.

Таким образом, *предмет* данного исследования – деструкции агрессивной направленности в неформальных взаимоотношениях военнослужащих срочной службы, провоцируемые дефектами командно-приказной системы управления.

Теоретический анализ выстроен, исходя из авторской научной *гипотезы*, согласно которой деструкции и агрессия во взаимоотношениях рядовых военнослужащих, отчасти, являются проекцией социально-психологических процессов дегуманизации и деперсонификации, актуализируемых командно-приказной системой организации и управления института Армии. Исходя из этого предположения, *цель* работы заключалась в выявлении и описании причинно-следственной связи между выделенными **явлениями**.

Дегуманизация рядового состава – восприятие срочнотрудовых как объектов, лишенных человеческих качеств, – служит тем когнитивным процессом у субъектов (командования), который необходим для

внутриличностного оправдания «своих» агрессивных действий по отношению к «жертве», как утверждает Э. Аронсон [1]. Обезличенные взаимодействия усиливают ощущение анонимности в составе срочнотружущих. Как отмечает Ф. Зимбардо, в результате дендидуации у человека (группы), во-первых, происходит ослабление социальной ответственности, во-вторых, притупляется адекватная оценка своих поступков [3]. В итоге, как утверждает Ф. Берарди, угасает чувство эмпатии (способность сострадать), и обостряется состояние алексетимии (нарушение самовосприятия). Субъект действует как «живой автомат», группа пребывает в так называемом состоянии «временной свободы» [2; 3]. Тем самым в среде срочнотружущих создаются возможности для различных форм злодеяний.

На базе эмпирических материалов обследования, проведенного автором в 2011 и 2013 гг. в воинской части «Ц», а также данных отечественных исследователей, проведена частичная верификация гипотезы. *Установлено*, что вербальная агрессия (оскорбления, угрозы), являющаяся основой процесса дегуманизации [4], наиболее распространена во взаимоотношениях военнотружущих Российской Армии. Это указывает на наличие дегуманизованных взаимоотношений в армейской среде. Однако, имеющаяся информационная база не позволяет проверить причинно-следственную связь между выделенными в гипотезе **явлениями**.

В свою очередь, результаты теоретического анализа позволяют обозначить проблемную область дальнейшей научной работы. *Охарактеризованы* структурные противоречия военной службы: комплектование рядового состава срочнотружущими в отсутствие сбалансированной системы их мотивации, производными которых являются обезличенные отношения в процессе командно-управленческого взаимодействия. В рамках обозначенных социально-психологических процессов: дегуманизация и деперсонализация – *описаны* когнитивные изменения, способные задавать деструктивный вектор развития подразделения как боевой единицы и личности как гражданина.

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

2. Берарди Ф. Новые герои: Массовые убийцы и самоубийцы / Пер. с англ. М. Ю. Диунова. М. : Кучково поле, 2016.

3. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Пер. с англ. А. Стативка. М. : Альпина нон-фикшн, 2013.

4. Одергон А. Отель «война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов / Пер. с англ. К. и П. Назаретян. М. : Энигма, 2008.

Научный руководитель – д-р социол. наук Корель Л. В.

Корреспондентский анализ данных опроса заключенных Монголии

Бадмацыренова С. Б.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В рамках гранта РГНФ «Общественное сознание молодежи Монголии» был проведен опрос среди заключенных исправительных колоний Монголии в количестве 396 чел. Были заданы вопросы, касающиеся различных аспектов их жизни (самочувствия, отношения к современному обществу и его проблемам, причинам совершения преступления) с целью формирования полного представления общественного сознания Монголии и тенденциях его развития.

Цель данного исследования – статистический анализ данных соцопроса с помощью корреспондентского анализа (анализа соответствий) для выявления закономерностей в данных в форме взаимосвязей.

Для достижения поставленной цели были решены задачи:

1. Подготовка и предобработка данных. Анализ распределений данных. Анализ выбросов. Анализ пропущенных данных.

2. Анализ взаимосвязей между категориальными переменными с помощью многомерного анализа соответствий. Для автоматизации вычислений и визуализации результатов применяется ППП Statistica 10.

Итак, в ходе исследования были получены следующие результаты. Выявлены взаимосвязи между режимом колонии и ответами на вопросы: 1) «что повлияло на совершение преступления» ($\chi^2 = 25,6922$; $p = 0,0119$); 2) «как можно охарактеризовать условия вашей жизни» ($\chi^2 = 17,6337$; $p = 0,0072$); 3) «возникают ли мысли исключить правонарушения из своей жизни» ($\chi^2 = 6,23756$; $p = 0,1821$); 4) «испытывают ли чувство вины за совершенное преступление» ($\chi^2 = 6,11742$; $p = 0,1906$); 5) «момент осознания совершения преступления» ($\chi^2 = 17,5771$; $p = 0,0247$, см. рис. 1); 6) «мысли в момент преступления» ($\chi^2 = 36,2121$; $p < 0,01$); 7) «возраст» ($\chi^2 = 34,6647$; $p < 0,01$); 8) «образование» ($\chi^2 = 32,2476$; $p < 0,01$); 9) «род деятельности» (38,4381; $p = 0,0034$, см. рис. 2).

Если точки на рисунках, относящиеся к разным категориальным переменным находятся близко друг от друга, то они интерпретируются как взаимосвязанными. Если точки относятся к одному и тому же вопросу, то оценивается угол, образованный ими в точке (0,0). Если угол тупой – корреляция между ними отрицательная, острый – положительная, ну а если близка к прямому, то считается что нет корреляций.

В тезисах представлена только часть имеющегося графического материала.

Таким образом, данные полученные в результате исследования дополняют социальную модель Монголии и его динамику.

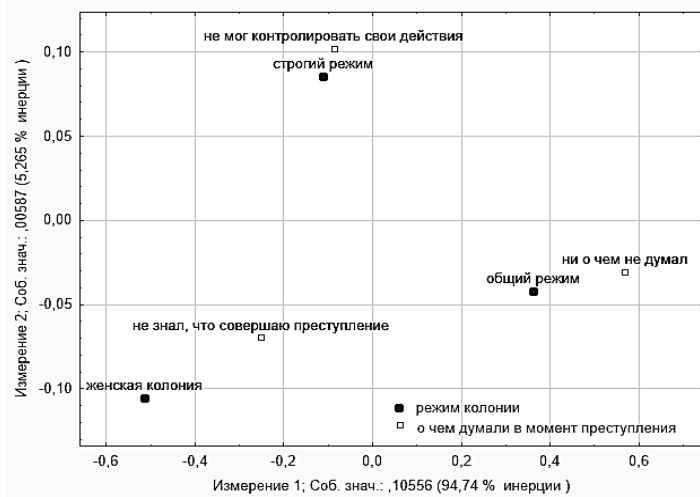

Рис. 1. Взаимосвязь между режимом колонии и мыслями в момент преступления

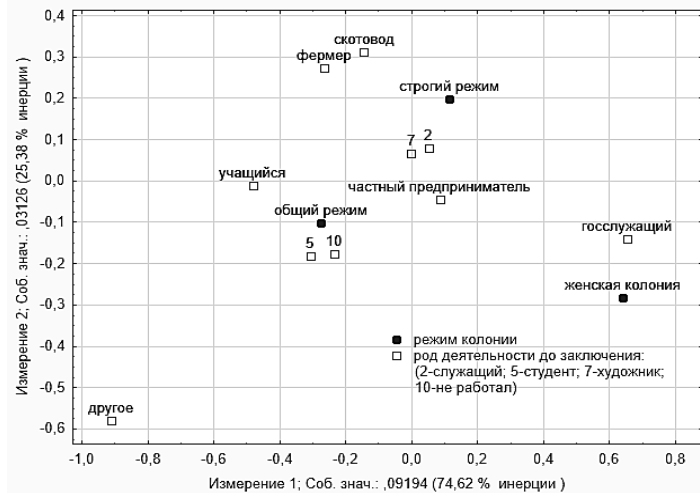

Рис. 2. Взаимосвязь между режимом колонии и родом деятельности до заключения

Научный руководитель – канд. пед. наук Цыбиков А. С.

Студенческие «судьбы» победителей школьных олимпиад

Белоусова К. О.

Новосибирский государственный университет

Ежегодно в университеты на различные направления обучения поступают победители и призеры школьных олимпиад. Школьная олимпиада выступает в качестве механизма отбора талантливых студентов наравне с ЕГЭ. Среди целей и задач олимпиад – развитие у школьников творческих способностей, а также поддержание интереса к получению знаний. Победа в олимпиадах высокого уровня дает возможность внеконкурсного поступления в высшее учебное заведение. Существует определенный перечень таких олимпиад и их уровней, который утверждается ежегодно Министерством образования и науки РФ.

Участие в школьных олимпиадах способствует развитию творческого, логического, аналитического мышления школьников, поддерживает интерес к научно-исследовательской деятельности. Некоторым исследователям удалось выявить, что победители школьных олимпиад отличаются от основной массы учащихся мотивацией к получению знаний (причем победители олимпиад демонстрируют более высокие показатели именно внутренней мотивации), отдают предпочтение задачам высокого уровня сложности, отличаются творческим подходом к решению задач, а также нацеленностью на результат. Но следует отметить, что победители школьных предметных олимпиад «не всегда демонстрируют психологические предпосылки высоких достижений, устойчивость интересов и самих достижений». Интересно, с чем связано снижение интереса у некоторой части победителей школьных предметных олимпиад, «долговременности начального преимущества студентов», поступающих по результатам олимпиад [1]. Можно ли предположить, что для одних студентов, поступающих по результатам олимпиад, победа в олимпиаде является преимущественно стратегией поступления в высшее учебное заведение, а для других выступает индикатором таланта? Будут ли различаться вузовские успехи этих двух категорий абитуриентов?

Теоретический объект исследования – внутриуниверситетские образовательные траектории студентов, поступивших как победители школьных олимпиад. В качестве предмета исследования выступает влияние индивидуальных и организационных факторов на дифференциацию образовательных траекторий студентов, поступивших по результатам олимпиад. Цель исследования – на примере студентов Новосибирского государственного университета выявить особенности и дифференциацию внутриуниверситетских образовательных траекторий студентов, поступивших как победители школьных олимпиад.

Задачи исследования дифференцированы в соответствии с используемыми в исследовании информационными источниками. Задачи исследования, решаемые на административных данных НГУ, позволят охарактеризовать состояние набора студентов по результатам олимпиад, выявить динамику доли иногородних студентов среди тех, кто поступает по результатам школьных предметных олимпиад. Задачи исследования, решаемые на данных опроса первокурсников 2015 и 2016 гг., позволят выявить отличия студентов, поступающих по результатам олимпиад, от других категорий студентов по следующим критериям: адаптированность студентов к учебе и студенческой жизни, проблематизация начала учебы, значимость критериев выбора места учебы (НГУ). Задачи, решаемые на данных глубинных интервью, позволят выявить условия актуализации индивидуальных и организационных факторов, особенности обучения талантливых студентов, поступающих по результатам школьных олимпиад.

Данные мониторинга качества приема в российские высшие учебные заведения показывают, что численность студентов, зачисленных на бюджетные места в НГУ по результатам участия в олимпиадах за исследуемый период (2011–2016 гг.), сократилась более чем в два раза в 2016 г. по сравнению с 2011 г. При этом самый большой приток студентов, поступающих по результатам олимпиад, отмечен в 2013 г. «Олимпиадники» поступают преимущественно на такие направления обучения, как математика, физика, химия, информатика и ВТ, также лечебное дело и биология. Согласно результатам опросов первокурсников 2015 и 2016 гг. большинство студентов, поступивших в НГУ как победители олимпиад, в целом хорошо адаптируются в первые месяцы к студенческой жизни и учебе. Причем среди «олимпиадников» в 2016 г. доля тех, кто наиболее успешно адаптировался к студенческой жизни, увеличилась по сравнению с 2015 г. Также в 2016 г. существенно возросла доля тех, кто считал себя хорошо готовым к восприятию учебного материала первого семестра.

При выборе НГУ для «олимпиадников» наиболее значимыми критериями оказались следующие: возможность учиться на бюджетной основе, соответствие выбранной специальности интересам, а также возможности трудоустройства после окончания вуза.

В докладе будут представлены другие эмпирические результаты исследования.

1. Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Кузьменко Н. Е., Леонтьев Д. А., Рыжова О. Н., Демидова Е. Д. Об эффективности двух систем зачисления абитуриентов в химические вузы: дальнейший анализ проблемы // Естественное образование: тенденции развития в России и в мире / Под общей ред.: В. В. Лунин, Н. Е. Кузьменко. М. : Изд-во МГУ, 2011.

Научный руководитель – канд. социол. наук Черкашина Т. Ю.

Неравенство жилищных условий российских домохозяйств: финансовые и нефинансовые индикаторы

Бородихина И. А.

Новосибирский государственный университет

Одним из основных показателей развития современных государств является экономическое благосостояние населения, которое измеряется через три группы индикаторов: текущие доходы, потребление и накопленное богатство домохозяйств. При разнообразии методик определения богатства домохозяйств, как правило, в его составе выделяют финансовое (а внутри него иногда отдельно – пенсионные накопления) и нефинансовое богатство. В целом под богатством домохозяйств понимается величина всех активов, которыми владеет домохозяйство, за исключением долговых обязательств, в определенный момент времени [OECD, 2013]. Мировая и российская статистика показывает, что самый распространенный элемент нефинансовой собственности домохозяйств – занимаемое жилье. Из экономически развитых стран лишь в США численность домохозяйств-владельцев автотранспортом больше домохозяйств-владельцев жилья.

Для изучения нефинансового богатства можно пользоваться как денежной оценкой, так и натуральными показателями. То же относится и к изучению жилья. Сбор такой информации осуществляется через обследования домохозяйств, однако для того, чтобы респонденты смогли дать денежную оценку своего жилья, необходимы следующие условия: во-первых, должен существовать рынок жилья, а во-вторых, респонденты должны обладать некоторыми знаниями, которые позволяют хотя бы приблизительно оценить стоимость жилья. В открытой российской статистике и социологических данных информация о денежных оценках нефинансового богатства, в том числе жилья, минимальна. В качестве примера можно привести Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ), в анкеты которого с 2000 г. включен вопрос о примерной стоимости занимаемого жилья. Нас интересует, насколько дифференциация денежной оценки отражает дифференциацию домохозяйств по другим характеристикам жилищных условий. Для ответа на этот исследовательский вопрос мы будем использовать данные РМЭЗ за 2014 г. В качестве финансового индикатора в данном исследовании используется субъективная денежная оценка стоимости жилья. К нефинансовым индикаторам относятся характеристики жилищных условий (площадь, степень благоустроенности, статус населенного пункта, в котором оно расположено).

Субъективная денежная оценка жилья выявлялась при ответе респондентов на вопрос «Какова сегодня приблизительно рыночная цена

такого жилья, как Ваше?». Среди 4 858 опрошенных выделяются следующие группы: 2,1 % живут в общежитии; 5,7 % арендуют жилье; 3,8 % проживают в жилье, принадлежащем родственникам; 4,4 % – в неприватизированном жилье; 84,1 % живут в собственном жилье (принадлежащем кому-либо из членов домохозяйства). Респондентам из трех последних групп было предложено дать стоимостную оценку занимаемого жилья. Из них 3,5 % ответили, что жилье не подлежит продаже или не может быть продано, дали оценку 72,8 %, а 23,7 % затруднились ответить. Около половины затруднившихся (49,6 %) проживает в областных центрах, из которых большинство – в отдельной квартире (88,2 %). 23,5 % городских жителей и 20,6 % сельских также затруднились дать денежную оценку своему жилью. При этом наиболее часто затруднения вызывает оценка отдельных квартир, большинство из которых находятся в областных центрах.

По стоимости, указанной респондентами, жилье было разделено на три группы: дешевое жилье (до 1 млн руб.), средней стоимости (1–3 млн руб.), дорогое (3–20 млн руб.). Приведем характеристики этих групп.

1. В группу «дешевого» попало жилье 20,6 % опрошенных. Большая часть него находится в селе (54,7 %), меньше – в городах (26,8 %). Что касается типа жилья, схожие доли проживающих в отдельных квартирах и отдельных домах (42,5 % и 39,7 % соответственно). Среднее значение площади жилья – 54,9 кв. м. У 63 % отсутствует в доме центральное отопление. Централизованное водоснабжение у большей части есть (77 %), но горячая вода только у 33,4 % респондентов данной группы.

2. В жилье средней стоимости проживают 40,8 % опрошенных. Из них близка к половине доля проживающих в областных центрах (44,9 %), в других городах – 34,4 %. Подавляющее большинство проживает в квартирах (78,9 %). Средняя площадь жилья – 55,6 кв. м. Говоря о благоустроенности, у 81,2 % респондентов есть в доме центральное отопление, 96,8 % имеют централизованное водоснабжение и 76 % – горячую воду.

3. Проживающие в дорогом жилье составляют 11,4 % исследуемой совокупности, большинство из которых живут в областных центрах (77,4 %) и только 15,5 % – в остальных городах. Средняя площадь жилья – 66,2 кв. м. В основном это отдельные квартиры (83,9 %) с наличием в доме центрального отопления, централизованного водоснабжения (в том числе горячей воды).

Таким образом, субъективная денежная оценка жилья связана со многими факторами, которые учитывает респондент, в том числе размер и благоустроенность жилья. В выступлении более детально будут рассмотрены описанные жилищные группы.

Научный руководитель – канд. социол. наук Черкашина Т. Ю.

Нетрадиционные семьи: мнения о них людей разных поколений

Бугрова А. В.

Новосибирский государственный университет

Общество развивается. Меняются взгляды на положение женщины в обществе, роль семьи в формировании личности. Рассматривая развитие общества в историческом контексте, можно заметить, что огромное значение в формировании гендерных ролей и, в частности, семейных ролей, оказал демографический переход, т. е. изменение типа воспроизводства населения. В традиционных – «допереходных» – обществах было четкое разделение на мужские и женские роли и обязанности, женщина должна была рожать много детей и воспитывать их. «...Высокая смертность диктовала повсеместное конвергентное развитие тех принципов социальной жизни, которые затрагивали производство и выхаживание потомства и обеспечивали непрерывность поколений» [1]. Для того чтобы общество не прекратило существовать, необходимы были определенные культурные нормы, религиозные и нравственные предписания, которые позволяли бы поддерживать и стимулировать высокую рождаемость. Однако после демографического перехода «многие из этих социальных норм утратили смысл, начались их эрозия, поиск форм организации частной жизни людей и их культурной оболочки, больше соответствующих новым условиям, включающих и резко снизившийся уровень смертности» [1]. У индивидов появилось право выбора на планирование семьи, на характеристики супруга / партнера. Теперь не общество диктует и обязывает взрослых людей иметь детей, теперь сам индивид выбирает: с кем он / она устраивает свою семейную жизнь, иметь ли ему / ей детей и сколько и когда в семье могут появиться дети.

Говоря о современном обществе, надо отметить, что изменение социальных норм, структуры ценностей все еще продолжается. Это проявляется в мнениях людей об однополых союзах. По результатам исследования М. В. Григорьевой, проведенного в 2002 г., отношение молодежи к гомосексуалистам и лесбиянкам, по большей части было нейтральным (35,9 % к мужчинам-гомосексуалистам и 41,2 % к лесбиянкам). Исследователь пришла к заключению, что женщины более толерантны к людям с нетрадиционной ориентацией, чем мужчины. Опираясь на данное исследование, мы собираемся понять, как относятся жители современной России к людям с нетрадиционной ориентацией [2].

В России, однако, все еще остается такая социальная проблема, как неприятие обществом альтернативных семей; предполагается, что такие семьи лишь разрушают институт семьи, семейные нормы и ценности. В исследовании А. В. Ростовской было выяснено, что респонденты

негативно относятся к легализации однополых браков и в странах Европы: «Большинство респондентов посчитали, что легализация однополых браков в странах Европы – это следствие распада ценностей людей. На втором месте оказалось безразличное отношение к данным процессам <...> Так 98 % опрошенных считают это “противоестественным”, “аморальным”, “опасным для общества”, “ненормальным”» [3].

Исходя из этого мы, ориентируясь на современное российское общество, поставили исследовательский вопрос: существует ли дифференциация отношений мужчин и женщин различных поколений к однополым семьям. Возможно, младшие поколения более толерантно, чем более старшие: молодые люди принимают однополые союзы, отношения и считают, что такие союзы имеют право на существование? При этом мы не будем забывать, что люди старших поколений выросли и много времени жили совершенно в другой стране и в других условиях.

Для нашего исследования мы используем метод «запечатанного буклета», так как особенностью данной работы является деликатность темы. А. Ю. Мягков считает, что при исследовании таких чувствительных проблем обеспечение анонимности приводит к смещению ответов [4].

Стоит упомянуть о том, что одна из проблем в изучении отношения к нетрадиционным семьям, по М. В. Григорьевой – отсутствие единой методической системы измерения отношения к однополым союзам, семьям. Кроме того, отношение к гомосексуалистам – это «многогранное явление, включающее, по крайней мере, три аспекта (когнитивный, аффективный и конативный)» [2], а большинство исследований отражает либо какой-то один из этих аспектов, либо имеет несогласованные между собой вопросы. Таким образом, для того чтобы получить наиболее полную картину, отражающую отношение к нетрадиционным семьям, необходимо учесть названные три компонента при исследовании состояния российского общественного сознания по этому поводу.

1. Вишневский А. Г. Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 57–76.

2. Григорьева М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе. Теория, методология, методы. Иваново : ГОУВПО «Ивановский энергетич. университет им. В. И. Ленина», 2007. С. 188–197.

3. Ростова А. В. Гендерная толерантность: традиционные и «инаковые» отношения между полами // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18). С. 251–256.

4. Мягков А. Ю. «Запечатанный буклет»: Альтернативный метод сбора данных в опросах по чувствительной проблематике // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 15–30.

Научный руководитель – д-р. социол. наук, доц. Михеева А. Р.

Тенденции развития вариативности семей в Новосибирске

Горестов О. И.

Новосибирский государственный университет

Семья – один из наиболее важных институтов общества, так как является агентом первичной социализации индивида, а значит и одним из институтов регулирующим и воспроизводящим общество как таковое. Исследование тенденций развития семьи в каждом отдельном регионе, такой большой страны, как Россия, должно проходить регулярно с целью понимания общего вектора развития общества. Сибирь в этом контексте является уникальной «лабораторией» для исследований, так как во времена царской власти имела статус колонии и места ссылки вольнодумных людей. По этой причине за Уралом семья приобретала более прогрессивную форму в плане нравов и социальных отношений, чем на территории европейской части России [1]. Но сама общность сибиряков, как единого целого, возникла только в XIX в. и бурно развивалась на протяжении последних двух столетий. Новосибирск был основан в 1893 г. и представлял собой поселок строителей и торговцев. За сто лет поселок (5 тыс. жителей) трансформировался в крупнейший мегаполис Сибири (1,5 тыс. чел.). Рост города, безусловно, вовлек население в крупные социальные процессы, которые повлияли на трансформацию всех институтов, в том числе и семьи, и которые население еще «помнит» из-за относительно короткого исторического времени. Поэтому изучение развития такого института, как семья, в данных условиях – актуальное направление исследований.

Советский социолог А. Харчев определяет семью как систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, а также как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью [2]. В контексте данного исследования используется понятие «семейная группа» – т. е. группа людей, имеющих кровное родство и заботящихся друг о друге.

Теоретическим объектом исследования является вариативность семей семейных групп. *Предмет исследования* – тенденции развития вариативности семей и семейных групп в Новосибирске.

Цель исследования – выявление различных форм семьи и понимание тенденций развития вариативности семей в Новосибирске.

Изучение процессов изменений внутри семейной группы возможно при интервьюировании **трех поколений**. Гайд интервью состоит из следующих блоков: структура взаимоотношений внутри одного поколения семьи, структура отношений между поколениями семейной группы и история

семейной группы в Новосибирске. В этом случае возможно не только понимание структуры семейной группы и каждой семьи в отдельности, но и изучение изменений взаимоотношений внутри и между поколениями одной семейной группы.

Для работы в основу общей классификации легли две типологии, так как сам институт «семья» обладает двойственной природой. С одной стороны, семья является средой для социализации подрастающего поколения и потому является инструментом изменения норм и ценностей общества. Э. Тодд в работе «Третья планета: структуры семьи и системы идеологии» рассматривал семью через призму взаимоотношений «отец – отец» и «сын – сын». Он выделил четыре типа семьи: *абсолютно нуклеарная* (от слова «абсолютизм»), *эгалитарно нуклеарная*, *авторитарная* и *коммунитарная* [3].

С другой стороны, вариативность семьи зависит от общества, которое подчиняет ее своим интересам и потребностям. Поэтому форма, состав и взаимоотношения внутри семьи рассматривается как отражение общественных процессов. Ж. Гранмезон в работе «Различные формы семьи и их функционирование» выделил шесть типов семьи: *традиционная*, *современная*, *семья со слиянием*, *семья-клуб*, *семья-кокон*, *семья-предприятие* [4]. Объединение двух типологий даст более полную картину форм семей и их положение в обществе.

Демографические и социально-экономические изменения в первой и во второй половине XX в. дают основания выделить четыре условных исторических этапа развития общности Новосибирска: переселенческий этап (до 1930 г.), военно-переселенческий этап (1930–1960 гг.), экономический застой (1960–1990 гг.), современный этап (после 1990 г.).

Тогда, на основании полученных данных о типологии семьи, соотнесенных с такой авторской периодизацией развития города, можно выявить и изучить тенденции вариативности форм семей и семейных групп в Новосибирске, а также и в Сибири в XXI в.

1. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск; Барнаул: Ин-т истории СО РАН, Алтайск. гос. ун-т, 2002.

2. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979.

3. Todd E. La troisième planète: structures familiales et systèmes idéologiques. P.: Editions du Seuil, 1983.

4. Jaques Grand'Maison. Les différents types de famille et leurs enjeux // Vive la famille! sus la dir. de B.Lacroix. Montresl: Les Editions Fides, 1993.

Социальная реабилитация наркозависимых

Катышева Т. С.

Новосибирский государственный технический университет

На сегодняшний день общепризнанным является тот факт, что проблемы наркозависимости выходят за медицинские рамки и исследуются как на междисциплинарных стыках, так и в различных областях знаний, в том числе и с социологической точки зрения (в рамках социологии девиантности). Что, в свою очередь, способствует выявлению скрытых факторов, провоцирующих формирование зависимости, часть из которых сугубо социальные.

Однако, к сожалению, проблемы социальной реабилитации наркозависимых пока не получили настолько же всестороннего и глубокого теоретического осмысления. В данной тематике отсутствует общепризнанный понятийный аппарат, что формирует ряд неопределенностей.

Поэтому, несмотря на то что немало практического опыта было накоплено в медицинской и психологической литературе, рассмотрение особенностей социальной реабилитации наркозависимых в рамках социологических категорий может помочь сосредоточиться именно на социальных механизмах, которые влияют на успешность реабилитации, провоцируя те или иные изменения в индивидуе.

Исследователи повсеместно отмечают, что одним из наиболее эффективных методов социальной реабилитации наркозависимых является групповая терапия, осуществляемая как в стенах реабилитационных учреждений, так и вне их – например, в группах самопомощи и группах взаимоподдержки.

На данный момент существует достаточно большое количество форм групповой терапии, многообразие которых делает, в некотором роде, не легкой задачей их типологизации.

Тем не менее, в литературе по данной тематике освещаются общие принципы, характерные для всех психотерапевтических групп, групповых собраний сообщества Анонимных Наркоманов и иных сообществ, работающих по программе «12 шагов».

Кроме того, сосредоточив внимание на основных аспектах, способствующих социальным изменениям, можно обнаружить, что во всех группах они проявляются схожим, а местами идентичным образом. К таким аспектам относятся, например: анонимность, гомогенная структура группы, регулярные собрания и т. д. [2].

По личным впечатлениям от посещения «12-ти шаговых» групповых собраний (на базе адаптационно-реабилитационного центра «Сильная

личность» г. Новосибирска) можно сказать о том, за счет одновременного использования ранее перечисленных аспектов достигается некая «семейная» атмосфера, которая способствует к открытому диалогу между членами группы на позиции равенства, поддержки, взаимопонимания и чувства принадлежности.

Так, люди, регулярно посещающие групповые собрания, отмечают, что на собраниях они получают некую заслонку своим чувствам тревоги и страха, испытывают радость общения и готовы к встрече с чем-то новым. Такая обстановка сходна с особенностями первичной социальной группы, потому как спланирует между собой членов группы и располагает к успешному усвоению ими групповых стереотипов и навыков межличностного общения.

Таким образом, исследование групповых процессов с точки зрения социологической науки позволяет разложить терапевтический механизм на элементы с целью обнаружения их более эффективной комбинации.

Одним из подходов к объяснению личностных изменений и формирования идентичности членов групповых анонимных сообществ является социологическая теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза. Данный подход позволяет изучить «эффекты регулярных групповых взаимодействий, сопряженность интерактивного процесса с дискурсивно-нарративными практиками и эмоциональными реакциями» [2].

В ином подходе – нарративном – рассматривается взаимосвязь нарративных шаблонов сообщества с нарративными шаблонами его членов, что «позволяет обратиться к анализу внутригрупповых механизмов конструирования идентичности в ходе символического взаимодействия» [1].

Приведенные подходы наглядно иллюстрируют возможность корректного применения социологических теорий к области социальной реабилитации, что позволяет расширить область теоретических знаний и систематизировать их.

1. Мэйсн-Шрок Д. «Подлинное Я» транссексуалов: процесс нарративного конструирования // Социальные и гуманитарные науки. М., 1998. Сер. 11. № 4. С. 175–180.

2. Прозорова Ю. А. Групповое собрание как интерактивный ритуал: производство культурного капитала и эмоциональной энергии в «анонимных» сообществах взаимопомощи // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2015. Т. 8, № 3. С. 65–79.

Научный руководитель – канд. социол. наук, доц. Мельников М. В.

Динамика структуры семейных бюджетов: кто «страхует» семейный бюджет в условиях экономической нестабильности?

Медведева А. В.

Новосибирский государственный университет

В экономике каждой страны, в том числе России, наблюдаются периоды спада и подъема. Причины каждого кризиса или ситуации роста экономики могут быть уникальными. В России 2014 г. считается началом третьего за постсоветскую историю кризиса. Он может иметь негативные последствия для семей – переход работающих членов семьи на неполную рабочую неделю, снижение размера зарплаты, уход в неоплачиваемый отпуск, а также потери работы. В данной работе акцентируется внимание на поведении российских домохозяйств в динамичных макроэкономических условиях в 2004–2014 гг.

О финансовом поведении внутри и вне семьи в своих статьях писали российские и зарубежные социологи, такие как Каролин Воглер и Жан Пал. Жан Пал – одна из немногих, кто подчеркнул недостаточность рассмотрения домохозяйства в качестве единого целого. Она называла семью «черным ящиком» – изучая семью как один статичный объект, исследователь игнорирует какие-либо сложности и конфликты внутри семьи: «Индивиды, а не домохозяйства получают доход; они, а не домохозяйства приобретают товары и услуги» [1]. Соответственно, изучая семью в контексте финансовых ресурсов, необходимо рассматривать экономическое поведение отдельных членов домохозяйства, чтобы лучше разобраться в особенностях и тонкостях поведения домохозяйства как единого целого.

Теоретический объект исследования – финансовые ресурсы домохозяйства. Предмет исследования – структура бюджетов российских домохозяйств по вкладу поступлений из разных источников. В данном исследовании структура бюджета семьи будет определяться через долю доходов отдельно взятых членов семьи в семейном бюджете, а также надындивидуальных доходов. Соответственно, цель исследования – выявить изменения в 2004–2014 гг. численности и в социально-экономических характеристиках домохозяйств с разной структурой бюджета.

Эмпирическим объектом в данном исследовании являются пары, которые проживают вместе (не имеет значения, официально ли зарегистрирован их брак), т. е. семьи, в которых есть два потенциальных получателя доходов (разных статусов занятости), без детей или с детьми в возрасте от 0 до 16 лет включительно, не имеющие собственного дохода кроме стипендии.

Можно сформулировать два основных вопроса данного исследования. Первый – чувствительна ли численность семей с разной структурой бюджета к меняющимся макроэкономическим условиям? Индикатором здесь будет численность семей с разной структурой бюджета в 2004–2014 гг. Соответственно, первая исследовательская задача – выявить динамику численности семей с разной структурой бюджета в 2004–2014 гг.

Второй исследовательский вопрос – меняются ли с течением времени социально-демографические характеристики семей с разной структурой бюджета? Этому вопросу соответствует вторая основная задача – охарактеризовать по социально-демографическим характеристикам семьи с различными структурами бюджета в разные периоды времени.

Информационной базой данного исследования являются материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) за 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014 гг. В этой базе данных содержатся данные как об отдельных индивидах, так и о домохозяйствах.

Расчеты на данных 2014 г. показали, что более чем в половине (52,2 %) исследуемых семей мужчина является основным получателем дохода, при этом женщина также имеет свой доход. Семьи с такой структурой бюджета являются самыми высокодоходными. Таким семьям свойственен наиболее высокий уровень образования среди мужчин. В 20 % семей главным «добытчиком» является женщина. Также лишь в 5 % семей единственным получателем дохода является женщина. Среди семей с данной структурой бюджета большинство с уровнем душевых доходов ниже одного регионального прожиточного минимума. Наиболее «взрослые» получатели дохода в семьях, где мужчина и женщина имеют примерно равны личный доход (более распространенным признаком является пенсионный возраст супругов). Напротив, более «молодая» группа – семьи, где мужчина является единственным получателем дохода.

1. Pahl J. Social polarization in the electronic economy [Электронный ресурс]. Дата обращения 6 февраля 2017. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467954X.1999.tb03496.x/abstract>

2. Vogler C. Money, power and spending decisions in intimate relationships [Электронный ресурс]. Дата обращения 6 февраля 2017. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467954X.2008.00779.x/abstract>

Научный руководитель – канд. социол. наук Черкашина Т. Ю.

Влияние стратегии пенсионного перехода на удовлетворенность жизнью

Погребняк Е. В.

Новосибирский государственный университет

Каждый человек, являющийся гражданином какой-либо страны, рано или поздно сталкивается с пенсионным переходом. Существует несколько подходов к определению данного понятия. Мы остановимся на том, который формулируется как «достижение официального пенсионного возраста». Пенсионер, достигший пенсионного возраста, – это особый статус, который имеет свои особенности, позволяющие выделять таких людей в определенную группу. Ключевой из них является состояние здоровья. У пенсионеров оно хуже, чем у остальных групп населения (без учета инвалидов), поэтому образ их жизни отличается, а на принятие решений оказывает воздействие еще как минимум один фактор. Из-за существования в Российской Федерации такой «вечной проблемы», как маленький размер пенсий по старости, люди, достигшие пенсионного возраста, вынуждены принять важное решение, от которого будет зависеть качество их жизни. Таким образом, пенсионеры могут выбрать разные стратегии пенсионного перехода, различающиеся своей спецификой. Становится актуальным вопрос, какую стратегию выбирает пенсионер и каковы субъективные последствия его выбора (в частности, удовлетворенность им). Наиболее интересным является то, насколько пенсионеры удовлетворены своим материальным положением, здоровьем, проведением свободного времени и жизнью в целом. В анализ включены только те пенсионеры, которые получают пенсию по старости. Во-первых, по той причине, что у тех, кто получает пенсию по инвалидности, здоровье хуже, а у госслужащих и военных пенсионные выплаты, как правило, выше, поэтому материальный вопрос у данной категории пенсионеров стоит не так остро. Во-вторых, если учитывать все виды пенсионных выплат, многообразие траекторий пенсионного перехода будет велико, что затруднит проведение детального анализа.

Таким образом, объектом данного исследования являются стратегии пенсионного перехода. Предмет исследования – связь между стратегией пенсионного перехода и удовлетворенностью жизнью. Цель работы заключается в том, чтобы выявить, какое влияние оказывает выбор индивидом определенной стратегии пенсионного перехода на удовлетворенность жизнью.

Для анализа были выделены следующие стратегии пенсионного перехода:

- досуговая пенсия (пенсионер не хочет работать и не работает);

- вынужденная пенсия (пенсионер хочет работать, но не работает);
- формальная пенсия (пенсионер работает, но на прежнем месте и с прежней занятостью);
- переход на полную занятость и занятие физическим трудом;
- переход на полную занятость и занятие умственным трудом;
- переход на частичную занятость и занятие физическим трудом;
- переход на частичную занятость и занятие умственным трудом.

В 2015 г., по данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН, общее количество пенсионеров, находящихся в пенсионном возрасте и получающих пенсию по старости, представленных в выборке, составило 801 мужчин и 2 289 женщин. Также были получены данные о количестве респондентов в следующих группах пенсионеров:

- не хотят работать и не работают 613 мужчин и 1737 женщин;
- хотят работать, но не работают 27 мужчин и 46 женщин;
- имеют полную занятость и занимаются физическим трудом 63 мужчины и 59 женщин;
- имеют полную занятость и занимаются умственным трудом 69 мужчин и 265 женщин;
- имеют частичную занятость и занимаются физическим трудом 13 мужчин и 48 женщин;
- имеют частичную занятость и занимаются умственным трудом 11 мужчин и 120 женщин.

Также были проанализированы выделенные траектории на протяжении длительного периода. Затем мы установили наличие связи данных переменных с различными аспектами удовлетворенности жизнью с помощью коэффициентов корреляции, а потом провели регрессионный анализ для того, чтобы оценить силу и направленность этой связи.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Капелюк С. Д.

Социальные аспекты существования и отношение населения к «теневой экономике» в г. Новосибирске

Попкова К. В.

Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ»

Теневая экономика представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое своим влиянием способно охватывать всю систему общественно-экономических отношений, от производственной сферы до сферы конечного потребления.

Исследованием проблем теневой экономики занимаются как зарубежные (Г. Бейкер, П. Гутман, Э. Сатерленд, Э. де Сото, К. Харт), так и отечественные (Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев, В. В. Радаев, С. Ю. Барсуков, К. А. Улыбин) ученые уже на протяжении длительного времени.

Материалы исследований показывают, что вовлеченность граждан в «теневые» процессы экономики достаточно велика на протяжении уже более двух десятков лет. Этому способствует наличие благоприятных условий распространения теневой экономики и востребованность продукции «теневого» сектора.

Для изучения отношения населения к теневой экономике в 2016 г. было проведено социологическое исследование, объектом которого являлось население г. Новосибирска. Выборочная совокупность формировалась на основании данных Новосибирскстата о численности населения г. Новосибирска на 1 января 2016 г. и составила 100 человек.

Согласно анализу данных исследования отношения населения к теневой экономике г. Новосибирска 40 % граждан и членов их семей связаны с теневым сектором экономики. Подавляющее число респондентов считают, что теневая экономика оказывает деструктивное воздействие на социально-экономическое развитие города и страны в целом и не одобряют работу в теневом секторе.

По мнению опрошенных, главными факторами развития теневого сектора в г. Новосибирске являются: низкий уровень дохода населения в официальном секторе (73 %), жесткая система налогообложения (44 %), коррупция в органах власти (42 %), экономический кризис (31 %), снижение уровня жизни (31 %).

В качестве основных причин того, что граждане работают в условиях теневой экономики, согласно мнению большинства новосибирцев, являются нехватка денежных средств (68 %), высокое налогообложение (54 %), задержка заработной платы (39 %). Наличие материальных трудностей вынуждает население получать заработную плату «в

конверте», и, зачастую, это единственный источник материального благополучия. К такому решению респонденты прибегают несмотря на то, что осуждают данную особенность теневой экономики.

Пенсионеры в большей степени испытывают трудности при поиске подходящей работы, что, зачастую, связано с возрастной дискриминацией на рынке труда и отсутствием спроса у работодателей на работников пенсионного возраста.

СМИ, как механизм антипропаганды участия граждан в теневых экономических процессах, неэффективны для большинства опрошенных (так ответили 65 % граждан), а деятельность по противодействию теневой экономики со стороны государства не является действенной и комплексной, по мнению 67 % респондентов.

Что касается перспектив противодействия распространению теневого сектора экономики, то на сегодняшний день государством применяются различные меры, в том числе реформируется налоговая система; ужесточается борьба с коррупцией; выявляются различные подпольные производства (например, ликероводочной продукции) и пресекается их деятельность; усиливается контроль финансовых потоков.

Губернатор Новосибирской области В. Ф. Городецкий подписал постановление от 2015 г. о создании межведомственной комиссии по вопросам снижения неформальной занятости и легализации неофициальной заработной платы [1].

Учитывая всю сложность проблемы в условиях российской действительности, вырабатываемые для решения проблемы существования теневой экономики меры должны иметь надежный, неотвратимый характер, обеспечивающий взаимосвязанную и эффективную работу органов государственной власти по противодействию деятельности в теневом секторе экономики, а также необходимо распространять культуру официального заработка и официальной трудовой деятельности.

1. Нелегальными зарплатами в регионе займется специальная комиссия [Электронный ресурс]. Дата обращения: 28.11.16. URL: www.pfrf.ru/branches/Novosibirsk/news-2015/01/15/83417.

Научный руководитель – канд. социол. наук, доц. Наумова Е. В.

Влияние избыточного образования на удовлетворенность жизнью

Руш О. А.

Новосибирский государственный университет

Во всем мире, в том числе и в российском обществе, в последние десятилетия наблюдается тенденция увеличения значимости роли образования. Согласно статистическим данным, число выпускников высшего образования в 2014 г. почти в 2 раза превышает их число в 2000 г. [1]. В связи с этим существуют опасения, что такое увеличение предложения квалифицированной рабочей силы не соответствует предъявляемому на нее спросу. В результате, часть выпускников занимает позиции, не соответствующие их уровню образования. Данный феномен в литературе получил название «избыточное образование», или, как принято в зарубежной литературе – «overeducation».

По мнению ряда ученых, данное явление предполагает, что распределение рабочей силы не оптимально и может привести ко множеству социальных проблем: начиная с перехода таких работников в неформальный и теневой сектор экономики и заканчивая низкой удовлетворенностью работой у них или даже жизнью в целом.

Данная проблема была поставлена зарубежными исследователями еще в 70-е гг. прошлого столетия, однако в России получила распространение лишь в последнее десятилетие. Но исследование влияния избыточного образования на удовлетворенность жизнью еще не проводилось, так как в области последних фокус внимания российских ученых в основном направлен на изучение социально-экономических «штрафов» и «премий» за избыточное образование. В связи с этим существует необходимость выявить характер связи между избыточным образованием и удовлетворенностью жизнью относительно российского рынка труда.

Таким образом, объектом исследования стало избыточное образование на российском рынке труда. Предмет – удовлетворенность жизнью индивида, имеющего избыточное образование. Цель же данного исследования заключается в том, чтобы выявить, какое влияние оказывает избыточное образование на удовлетворенность жизнью индивида.

В исследовании использованы данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Эмпирическим объектом является взрослое население (от 16 лет и старше), занятые полный рабочий день на постоянной работе.

Степень распространенности избыточного образования на российском рынке труда измерялась посредством сопоставления имеющегося уровня образования с рекомендованным на основе международного кодификатора профессий и специальностей по ISCO-88, в котором все профессии разделены на категории по предъявляемым к работнику требованиям уровня образования и наличию определенных навыков. Сопоставив имеющиеся данные, мы выявили, что избыточное образование на российском рынке труда – достаточно распространенный феномен (24 %), т. е. примерно каждый четвертый работник в России занимает должность, для которой достаточно было бы и более низкого уровня образования. целом, данный результат согласуется с проведенными ранее исследованиями.

Что касается уровня удовлетворенности жизнью, то хотя в целом респонденты с избыточным уровнем образования (как средним, так и высшим) отмечают более низкую удовлетворенность жизнью, но значимых различий среди респондентов с адекватным и избыточным образованиями нет. Тем не менее, наличие или отсутствие связи могут возникать под воздействием иных факторов, и это воздействие можно устранить только методами регрессионного анализа.

Кроме того, поскольку удовлетворенность жизнью показатель – комплексный, помимо самооценки индивидом уровня удовлетворенности жизнью, мы также рассмотрели 4 его составляющих: материальное благополучие, творческая самореализация, социальная стабильность и психологическое здоровье.

Далее, с помощью коэффициентов корреляции мы установили связи между данными переменными, а регрессионный анализ позволил оценить саму силу связи между избыточным образованием и удовлетворенностью жизнью.

Таким образом, в результате данной работы нам удалось оценить степень распространения избыточного образования на российском рынке труда, выявить связь между данным явлением и удовлетворенностью жизнью, а также отдельными ее составляющими, и измерить силу этой связи.

1. Индикаторы образования: 2016: статистический сборник / Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина, Н. В. Ковалева и др. М. : НИУ ВШЭ. 2016.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Капелюк С. Д.

Многомерная бедность в российской специфике

Рябушкин Н. Н.

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Одним из главных показателей уровня развития страны является бедность населения. В связи с этим особую актуальность занимает оценка уровня бедности для выявления и сопоставления наиболее бедных регионов РФ. В последние годы все большее распространение получил подход, согласно которому показатели бедности включают в себя не только уровень доходов – они затрагивают оценку состояния здоровья, уровня образования, а также условия жизни. Последние исследования в различных странах мира продемонстрировали, что бедность многолика и носит многомерный характер.

Новизна исследования состоит в том, что впервые проведены расчеты уровня многомерной бедности по всем регионам Российской Федерации. Для этого адаптирована методика расчета индекса многомерной бедности с учетом российской специфики. Кроме того, впервые проведено сравнение качества жизни населения Республики Крым и Севастополя с другими регионами России на основе уровня многомерной бедности.

Индекс многомерной бедности был предложен зарубежными исследователями в качестве альтернативы устаревшему традиционному подходу. Данный показатель был предложен в докладе ООН о развитии человека 2010 г. и в первую очередь был предназначен для развивающихся стран [1]. Представленные в докладе ООН значения уровня многомерной бедности колеблются от 3 % в Европе до 65 % в Африке к югу от Сахары. По численности людей, живущих в многомерной бедности, впереди Южная Азия, за ней следует Африка к югу от Сахары. В дальнейшем методика была применена к европейским странам в исследовании ученых Оксфордского университета 2014 г. [2].

В нашем исследовании проведена попытка получить достоверную оценку уровня многомерной бедности в Российской Федерации в целом и по всем российским регионам на основе данных выборочного обследования домохозяйств КОУЖ-2014, проведенного Росстатом в 2014 г., в котором приняло участие 136 232 человека из всех регионов России.

Индекс многомерной бедности учитывает не только финансовое благополучие, но и депривации по другим аспектам. Индекс многомерной бедности характеризует распространенность деприваций в одном и том же домохозяйстве в области образования, здоровья и уровня жизни. Каждый член домохозяйства определяется как бедный или не бедный исходя из числа деприваций, которые испытывает домохозяйство. Далее на основе агрегирования определяется общий индекс многомерной бедности.

Как и в оригинальном исследовании, в данной работе оставлено три блока показателей депривации. В то же время их состав изменен с учетом российской специфики.

Блок «образование» включает три критерия для депривации: отсутствие начального образования; число лет обучения; хотя бы один ребенок не посещает школу.

Блок «здоровье» включает следующие критерии: состояние здоровья; наличие хронической болезни; наличие инвалидности; состояние здоровья детей; отсутствие возможности обратиться за медицинской помощью при наличии потребности в ней.

Блок «условия жизни» включает следующие критерии: проблемы с горячим и холодным водоснабжением; условия проживания; состояние жилого помещения; проблемы с электроэнергией; качество воды из доступного источника; тип отопления; самооценка финансового положения; необходимость экономить на лекарствах; доходы ниже прожиточный минимума.

Для выявления многомерно бедных домохозяйств по каждому блоку суммируются все показатели с учетом их весов в общем индексе, что в итоге дает общий показатель депривации домохозяйства

Анализ результатов показал, что при многомерном подходе к изучению бедности их доля составляет 25,3 %, что в 2,25 раза больше, чем при оценке бедности с точки зрения доходов. Самым бедным регионом является Республика Алтай, где депривацию испытывают 51,7 % домашних хозяйств. Наименьший уровень бедности в городах федерального значения Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Ямало-Ненецком автономном округе, а также Чукотском автономном округе, в которых уровень депривации не превышает 10 %. Таким образом, в ходе нашей работы мы пришли к выводу, что при изучении бедности необходимо учитывать ряд комбинированных деприваций, так как они дают наиболее полное представление об уровне бедности, нежели оценка доходов.

1. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. М., Изд-во «Весь Мир», 2010. 244 с.

2. Alkire S., Aablaza M. and E. Jung Multidimensional poverty measurement for EU-SILC countries // Ophi research in progress series 36b. 2014.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Капелюк С. Д.

Значение семейного воспитания в социализации: ретроспективные оценки молодежи

Тютрина А. Ю.

Новосибирский государственный университет

Семья как важнейший агент первичной социализации закладывает в развитие индивида основные правила, социальные нормы, нравственные ценности того или иного общества. Социализация представляет собой сложный, противоречивый, многомерный процесс, включающий два этапа: *интериоризацию* как усвоение индивидом передаваемого ему социального опыта и *адаптацию* как приспособление индивида к внешним социальным условиям, т. е. преобразование усвоенных им норм и ценностей из внутренней среды во внешнюю [1].

Проблема исследования процесса социализации состоит в том, что семья не всегда достаточно гибко перестраивает свою воспитательную деятельность, так как находится под воздействием «бывших» представлений, социальных норм и ценностей [2]. Поскольку общество постоянно претерпевает изменения, то и институт семьи трансформируется. Именно эти перемены требуют применения новых методов и подходов, как в самом семейном воспитании, так и в исследовании этого процесса: каким образом происходит более успешное усвоение норм и адаптация индивида в обществе, т. е. формирование уровня его социализированности. Социологический подход предполагает изучение данного процесса не только на уровне индивида, но и как взаимодействия людей в различных сферах общества.

Теоретическим объектом данного исследования является процесс социализации.

Предмет исследования – семейное воспитание как фактор социализации молодежи.

Цель исследования – выявить значение семейного воспитания в формировании уровня социализированности молодежи.

В качестве критериев уровня социализированности молодых людей выделяются: 1) содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей, «картин мира» человека; 2) адаптированность личности, ее нормотипическое поведение; 3) социальную идентичность [3]. В нашем исследовании мы будем считать социализированность успешной по таким характеристикам: насколько индивид подготовлен к самостоятельности в принятии решений по ряду аспектов жизни; имеет ли он собственную точку зрения на решение различных вопросов; может ли не подстраиваться под налагающую силу общества, а жить и развиваться по усвоенным в семье принципам.

Эмпирический объект исследования – студенты 1–2 курсов вузов Новосибирска. Обоснование этого выбора следующее. Жизненный путь индивида многообразен и состоит как из положительных моментов, так и из отрицательных, которые претерпевает человек. Довольно трудным этапом в жизни индивида является подростковый возраст. Именно в это время происходят те или иные перемены в жизни подростка, его поведение зачастую противоречит социально приемлемым образцам [4]. Для того чтобы выяснить, как процесс социализации прошел в разные периоды жизни студентов (особенно на подростковом этапе) и как характеризуется их уровень социализированности в возрасте 19–20 лет, в данном исследовании применяется метод полужормализованного интервью. Отметим, что при оценке уровня социализированности индивидов в исследовании возникают следующие трудности: а) неоднозначность оценки возможности передачи опыта от поколения к поколению в различных семейных условиях; б) поскольку процесс воспитания индивидуален, и мы не можем точно сказать, что у одного индивида социализация проходит в соответствии с принятыми в обществе нормами, а у другого протекает как отклонение; в) сложно оценить результативность сразу двух этапов социализации: интериоризации и адаптации.

Проблема данной темы состоит также и в интерпретации жизненных ситуаций респондентов. Если человек с младшего возраста и далее растет как уверенная и раскрепощенная личность, то очевидно, что родители уделяли достаточно времени и внимания его воспитанию. А если в поведении индивида чувствуется закомплексованность и излишняя приспособленность к обществу, то возможно, что предшествующая студенчеству семейная жизнь имела упущения не только в воспитании, но также и в усвоении подростком норм, которые отражаются на недостаточной адаптации к внешним условиям. Это может проявляться в таких формах отклоняющегося поведения, как десоциализация, маргинализация. И поэтому индивид, входя во взрослую жизнь, может иметь проблемы в социальных взаимодействиях.

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 338.

2. Дементьева И. Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. М. : Генезис, 2004. С. 5.

3. Ковалева А. И. Социализация личности: норма и отклонение. М. : Институт молодежи. 1996. С. 108.

4. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 89–99.

Научный руководитель – д-р социол. наук, доц. Михеева А. Р.

Социально-экономическая дифференциация владельцев автомобилей в городе и сельской местности

Файзулина А. Т.

Новосибирский государственный университет

Потребление играет важную роль в социальных процессах, ежедневно вовлекая индивидов в разнообразные потребительские практики и все больше трансформируя общество в общество потребления. В западной и отечественной социологии существуют труды, посвященные описанию связи потребительских практик с характеристиками «экономического человека», выступающего в роли потребителя, позициями, которые занимают индивиды в обществе и «стилями жизни» – системой практик, повторяющихся в повседневном поведении и проведения досуга [1].

Социология потребления уделяет изучению феномена автомобильного потребления немного внимания, между тем исследования в этой области не теряют актуальности: автомобиль наряду с другими потребительскими товарами является носителем информации об индивиде и обществе, это инструмент социализации и продукт индивидуального потребления, дифференцирующий индивидов по социальным классам. Предмет исследования – характеристики социально-экономической дифференциации представителей городских и сельских домохозяйств, имеющих в пользовании один или несколько автомобилей, объект – автомобильное потребление как совокупность практик, дифференцирующих горожан и сельчан.

Работа опирается на три подхода к изучению и анализу автомобильного потребления по Радаеву: экономической, статусный и стилевой, по которым фокус исследования направлен на социально-экономическую дифференциацию владельцев автомобилей в городе и на селе. Рассмотрение автомобильного потребления в рамках трех подходов обусловлено тем, что факторы, влияющие на потребительское поведение следует рассматривать в комплексе, поскольку различия в потреблении зависят не только от экономических детерминант, таких как доход и стремление к максимизации полезности, но и от желаний автомобилистов продемонстрировать свой социальный статус с целью определения места, которое занимает автомобиль в идентификации социального положения. Что касается стилевого подхода, наблюдаемое постоянство автомобильного потребления объясняется габитусом – «приобретенной системой порождающих схем», формирующим вкусы и стили жизни [1]. Как основания дифференциации потребителей, так и факторы, влияющие на потребительское поведение, в случае автомобильного потребления, пересекаются и оказывают взаимовлияние: и городские, и сельские

потребители при покупке автомобиля исходят из бюджетных возможностей, а уже потом из вкусовых предпочтений и других факторов (возраста индивида или домохозяйства, цели использования транспортного средства и пр.). В этом заключается обоснование необходимости комплексного подхода.

Такой подход к изучению феномена автомобильного потребления позволяет выяснить его роль в жизни горожан и сельчан, выделить группы автовладельцев в городской и сельской местности и способствует сравнению домохозяйств по переменным, отобранным нами для анализа на основе вышеуказанных подходов, что показывает, насколько дифференцированы уровни жизни и потребительские практики в городе и на селе. Цель исследования – выявить, как дифференцированы характеристики социально-экономического положения представителей городских и сельских домохозяйств, имеющих в пользовании один или несколько автомобилей. Для ее достижения был отобран ряд социально-демографических переменных, таких как доход, пол, возраст, семейное положение, место проживания индивида, обуславливающие его экономические и социокультурные характеристики; переменные, связанные со стилями жизни – проведение досуга и иные потребительские практики, а также переменные, связанные с удовлетворенностью жизнью и самоидентификацией.

В качестве информационной базы использовались данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) 24 волны за 2015 г., проведена обработка массива с помощью статистического пакета SPSS по индивидуальному и по семейному вопроснику. Анализ данных массива включает в себя следующие методы: факторный, кластерный, дисперсионный анализы и построение таблиц сопряженности. Выбранные методы позволяют проанализировать автомобильное потребление в городе и на селе в комплексе. В результате проведенных операций проанализированы особенности потребителей автомобилей в городе и сельской местности, выявляются закономерности потребительского поведения и факторы, дифференцирующие автовладельцев, демонстрируя существенные различия в образе жизни, производится их сравнение и интерпретация полученных сведений с привлечением литературы по теме.

1. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18.

Научный руководитель – канд. социол. наук Ечевская О. Г.

**Алкоголь в повседневной жизни:
трансформация практик потребления**

Чечикова С.

Новосибирский государственный университет

Потребление алкоголя, как и других потребительских благ, является непосредственной частью стиля жизни, связанной не только с экономическим и социальным положением человека в обществе, но и с культурным капиталом, включающим символический и ритуальный смысл потребления. Изменения стиля жизни, связанные с различными процессами – глобализацией, урбанизацией, интеграцией и др. влекут за собой изменения моделей потребительского поведения, что сказывается на характере потребления алкоголя и приводит к переходу от традиционного в сторону социально-ситуативного потребления.

Многочисленные работы российских исследователей: А. А. Демьяновой, Я. М. Рошиной, В. С. Тапилиной А. М. Соловьева и др. подтверждают, что в период последних десятилетий трансформируется структура потребления алкоголя: уменьшается потребление водки и самогона, возрастает доля потребления пива, сухих и шампанских вин [1, с. 245]. В 2002 г. средний российский потребитель выпивал за год на 29 л спиртных напитков больше, чем в 1994 г., а чистого алкоголя – на 5,5 л. больше [2]. Кроме того, значительно возрос объем продаж алкогольных напитков на душу населения, при этом, в 2015 г. частота потребления алкоголя снижается до уровня «один раз в неделю» (в 2003 г. – 4–6 раз в неделю), но чем обусловлены данные изменения, какие факторы стоят за этим? В данной работе мы обращаемся к факторам, дифференцирующим потребление алкоголя, таким как пол, возраст, семейное положение, образование, доход, род занятости и др., предполагая, что потребление алкоголя, будучи определяемым от объема и композиции культурного и социально-экономического капиталов, воспроизводит принадлежность индивида к определенной статусной позиции, тем самым детерминируя потребительские практики.

Таким образом, цель работы состояла в том, чтобы выявить основные факторы, дифференцирующие потребление алкоголя, а также описать изменение этих факторов в период с 2003 по 2015 г. Факторный анализ позволил свести многообразие видов алкоголя в более узкие наборы потребляемых напитков, объединяющие тесно связанные признаки, а для выявления взаимосвязи между социально-демографическими характеристиками индивидов и характеристиками потребления алкоголя были использованы таблицы сопряженности. Эмпирическим объектом исследования выступили жители городов и областных центров старше

14 лет, которые употребляли алкоголь в течение последних 30 дней, а информационной базой для данного исследования послужила база данных RLMS.

В результате исследования были выявлены и описаны некоторые тенденции: к примеру, на данных RLMS выделяются «женский» и «мужской» типы потребления. Первый предполагает потребление слабоалкогольных напитков (в частности, которые можно приготовить дома) и, по большей части, в сочетании с пищей. Второй характеризуется преобладанием крепких спиртных напитков и пива. Некоторые виды алкогольных напитков, например самогон, остаются потребляемыми старшим поколением и становятся менее популярными у молодых людей и потребителей в зрелом возрасте, которые предпочитают коктейли, мартини, ликеры.

В период с 2003 по 2015 гг. возрастает потребление алкоголя в домашних условиях (во время приема пищи дома, например), что говорит о проникновении алкогольных напитков по большей части в повседневную жизнь, при том что существенно (в 4 раза) снижается уличное потребление – в парках, на улицах, в подъездах. Это свидетельствует о пересмотре взглядов и отношения индивидов к потреблению алкоголя и, как следствие, о трансформации питейных обычаев и практик потребления. Кроме того, изменение потребительских предпочтений в алкоголе в последние годы свидетельствует о стремительном росте разнообразия потребительских практик и развитии стилевой дифференциации потребления алкогольных напитков. Таким образом, стиль жизни, включающий множественные факторы, начиная от места проживания индивида и до его эмоционального и психического состояния, может существенно влиять на модель потребления алкоголя.

1. Рощина Я. М. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. № 2.

2. Тапилина В. С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя [Обращение к документу: 2 февраля 2017]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit02.php>.

Научный руководитель – канд. социол. наук Ечевская О. Г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 314.724

Влияние условий и качества жизни в городе на миграцию населения (на примере дальневосточных городов)

Васильева А. А.

Новосибирский государственный университет

Исследовательский интерес к пространственной мобильности существует уже в течение длительного периода времени. Так, Роберт Парк утверждал, что «Характерной чертой социального организма <...> является тот факт, что он состоит из индивидов, способных к независимому перемещению», от которого зависят практически все сферы жизни человека [1].

По оценкам прошлых демографических событий, а также на основе выявленных закономерностей демографических и миграционных процессов предполагается катастрофически быстрое сокращение численности населения Дальнего Востока вследствие миграционного оттока в более благоприятные для жизни регионы страны [2].

Таким образом, представляется необходимым определить характер связи между условиями и качеством жизни в дальневосточных городах и миграцией населения.

Итак, теоретическим объектом исследования является миграция населения. Предмет исследования – влияние условий и качества жизни в городе на миграцию населения в дальневосточных городах. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить характер и направление связи между условиями и качеством жизни в городе и миграцией населения в дальневосточных городах.

Информационной базой исследования являются данные, полученные в ходе Комплексного наблюдения условий жизни населения, которое проводилось во исполнение постановления Правительства Российской Федерации в 2014 г. на всей территории страны (КОУЖ-2014). Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население (15 лет и старше) таких дальневосточных городов, как Благовещенск, Биробиджан, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Владивосток, Якутск, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Анадырь.

Говоря об условиях жизни в выше перечисленных городах, стоит отметить, что 70 % населения Южно-Сахалинска отмечают, что им нравится жить в городе. При этом 37,3 и 33,3 % опрошенного населения говорит о недоступности государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания и школьного образования соответственно.

Кроме того, 64 % населения говорит о плохой организации работы жилищно-коммунальных служб; 66 % упоминает об общей неблагоустроенности города; 58 % отмечает о проблемах, связанных с состоянием дорог и безопасностью на них.

Если говорить о Комсомольске-на-Амуре, то 95 % жителей считают этот город привлекательным для жизни. Здесь население не говорит о существовании проблем в медицинском обслуживании и в школьном образовании (0 %). Однако 52,9 % населения отмечает существование проблем, связанных с состоянием дорог и безопасностью на них.

Кроме того, важными проблемами для населения, связанными с условиями проживания в дальневосточных городах, являются высокий уровень преступности (Владивосток – проблема волнует 34,4 % населения; Биробиджан – 36,2 % населения). Проблема распространения алкоголизма и наркотиков волнует 67 и 54,8 % населения Владивостока и 61,5 и 50,8 % населения Магадана соответственно.

Далее с помощью факторного анализа нами были определены факторы, характеризующие субъективное качество жизни населения. Посредством кластерного анализа были выделены типы жителей дальневосточных городов с различным уровнем качества жизни. А регрессионный анализ позволил решить задачи относительно характера и направления связи между условиями и качеством жизни и миграцией населения в дальневосточных городах.

Таким образом, в ходе данного исследования были выявлены факторы, влияющие на субъективные оценки качества жизни населения в дальневосточных городах, на основе чего определен комплексный показатель качества жизни населения дальневосточных городов. Выявлена связь между условиями и субъективными оценками качества жизни и миграцией населения дальневосточных городов, на основе чего построена типология дальневосточных городов по степени привлекательности жизни в них.

1. Парк Э. Р. Городское пространство как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. № 1. С. 11–19.

2. Виценец Т. Н. Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке / Виценец Т. Н., Бережнова Е. И. // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2. С. 69–75.

Научный руководитель – Иванова В. В.

О применении транснационального подхода в исследовании учебной миграции из Кыргызстана в Россию (на примере Томска)

Джанызакова С. Д.

Томский государственный университет

Миграционные процессы в эпоху глобализации характеризуются динамичным развитием, способствующим включению молодежи в трансграничные перемещения. Этому благоприятствует открытость международного рынка высшего образования и конкуренция образовательных центров за «ресурсы». Вузы России активно включаются в интернационализацию высшей школы, что предоставляет возможность получения российского образования для кыргызстанцев. В силу этого, в Кыргызстане наблюдается заметный спрос, активизирующий приезд учебных мигрантов в нашу страну и неизбежно формирующий стратегии адаптации. Исторически сложилось, что Томск, как один из ведущих научно-образовательных центров России, «притягивает» учебных мигрантов-кыргызстанцев.

Иностранная молодежь – одна из самых гибких групп мигрантов, способных легко адаптироваться к новому «месту жительства». При этом учебный мигрант уже не может быть рассмотрен в рамках миграционных концепций, где изображают человека, которому при переезде из одной страны в другую приходится неизбежно разрывать связи с родиной, отказываться от ценностно-ориентировочных установок, поведенческих механизмов, когда мигранту присуща болезненная ассимиляция в новую культуру и языковую среду, приводящая к потере идентификационных установок, связанных с «родным».

Автор ставит цель – дать анализ адаптации кыргызстанцев в томских вузах согласно транснациональному подходу. Транснационализм опровергает ранние теории миграции и предлагает к рассмотрению «новый» тип мигранта, который несет в себе жизненные ориентиры, ценности, правила поведения общества принимающего и общества отправляющего, не ассимилируясь в социум-реципиент и не теряя связи с обществом-донором. Согласно этому подходу, государственные границы, существующие в материальном выражении (пограничные посты, проверка документов и багажа), теряют свое значение, стираются по причине формирования связей, которые могут быть поддержаны со страной-донором благодаря современным технологиям (телефонная связь, социальные сети, Skype) и формированию этно-коммунити в Томске.

Для выявления «трансмигрантскости» были проанализированы личные страницы в социальных сетях «Вконтакте» и «Facebook» 100 учебных мигрантов и материалы 10 интервью. Единицей анализа явились

размещенные фотографии, видеоролики, репосты записей, частота общения с родными и близкими, группы, символизирующие этно-гражданскую идентичность студентов в Томске, что говорит о формировании «транснациональных сетей». Современные транснациональные сети являются следствием развития информационных технологий, «доступности» коммуникационных технических средств, позволяющих нести с собой виртуальную проекцию Родины и компоненты этнического, социокультурного самосознания. Это позволяет говорить об адаптивно-коммуникативной роли социальных этно-сообществ, переписки или звонков с родными и близкими.

В результате исследования были выявлены причины, подтверждающие тезис о формировании «трансмигранта», который, адаптируясь в среду-реципиент, в виртуальном пространстве сохраняет связь с социумом-донором. Транснациональные миграционные процессы демонстрируют изменения, происходящие в самоидентификации мигрирующего человека в контексте межличностных и межэтнических взаимоотношений.

Фактор временности нахождения на территории России для учебных мигрантов способствует маргинализации личностных установок. В процессе адаптации в принимающее сообщество происходит трансформация ценностных ориентиров, что создает «противоречия» в поведении иностранного студента и в оценке правильности или неправильности, приемлемости или неприемлемости его поведения, как в России, так и во время кратковременного пребывания дома во время каникул. Это обуславливает «кризис социальной идентичности» учебного мигранта. Границы между «своими» и «чужими» социальными нормами поведения размываются.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Нам И. В.

Принятие городской идентичности: физический и смысловой аспект

Егоршева З. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Городская идентичность в современной социологической теории может рассматриваться с двух сторон: как внешний сформированный образ города или как свойство его жителей определять свою сопричастность к нему. В зависимости от степени осознания сопричастности, горожане строят модели поведения в городской среде, в том числе определяя степень активности собственного участия в жизни города. Городская идентичность строится на основе образа города, который также подвергается оценке со стороны горожан и влияет на степень их включенности в жизнь города.

Базой для построения идентичности горожан являются физическое, информационное, смысловое и социальное пространство города. Освоение и присвоение *физического пространства* города индивидом происходит путем приобретения опыта его личного использования и наделения субъективными смыслами; усвоения границ «своего» города путем определения маршрутов, привлекательных и чуждых ему локаций. *Информационное пространство* города представляет собой информационные потоки города, которые осуществляются средствами массовой коммуникации. Включенность в информационную среду можно оценить через активность горожан в поиске информации о жизни города, знание текущего положения города и его проблем и наличием мнения о текущей ситуации, идей или пожеланий по улучшению жизни в городе. *Смысловое пространство* города несколько шире, чем информационное, и имеет большее значение для любого города. Одним из наиболее значимых его компонентов является *образ города* – система взаимосвязанных знаков, символов, архетипов и стереотипов, характеризующих ту или иную территорию. Это устойчивые пространственные представления, компактные модели определенного пространства [1]. Также смысловое пространство включает в себя локальные истории и мифы, знаковые места и городские символы – элементы городского пространства, которые ассоциируются с городом и первые вспоминаются при упоминании о нем [2]. *Социальное пространство* города представлено индивидами, включенными в разнообразные локальные сообщества, а также городским сообществом в целом. Включение в территориальные сообщества также способствует усилению вовлеченности в жизнь города и косвенно повышает чувство идентичности горожан.

Освоение индивидом городских пространств формирует успешные модели взаимодействия с городской средой и городским сообществом, способность влиять на них и адаптироваться к происходящим в городском пространстве изменениям. Безусловно, оценка данных пространств напрямую зависит от их наполнения. В свою очередь, *существование противоречий в их смысловом содержании может повлечь за собой отрицание жителями собственной городской идентичности*. Когда наполнение физической среды города недостаточно или искажено отражает смысловое пространство или информационное пространство не освещает в достаточной степени то, что происходит в различных сферах жизни города, это может привести к недоверию к горожанам и городской власти со стороны жителей, падению степени удовлетворенности жизнью в городе, желанием переехать в другое место, что можно охарактеризовать как прямое проявление данного отрицания.

Проведенное в Волгограде в 2016 г. исследование взаимосвязи чувства идентичности жителей и их восприятия городских пространств выявило конфликт между образом города, являющимся компонентом смыслового пространства города, и физической средой. Результаты опроса показали, что смысловое пространство презентует образ города-героя с богатым культурным и историческим наследием, в то время как физическое пространство оценивается жителями как крайне некомфортное для жизни.

Необходимо отметить, что выявление подобных противоречий способно определить не только наиболее актуальные проблемы, но и возможности совершенствования различных пространств города для дальнейшего улучшения их содержания и взаимосвязи.

1. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 36–42.

2. Яковлева М. В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 1. С. 45–58.

Научный руководитель – канд. социол. наук, доц. Астахова А. С.

Оценка причин добровольной миграции населения в Российской Федерации

Ескина М. Д.

Новосибирский государственный университет

Актуальность темы исследования. Вопрос миграции актуален как для мира в целом, так и для Российской Федерации. В связи с перспективами евразийской интеграции проблема внешней миграции в России становится более острой, а с точки зрения внутренней миграции ярко выражена неравномерность распределения населения по территории: густо населенный запад и мало населенный северо-восток. Для построения эффективной миграционной политики первостепенным становится изучение причин добровольных миграционных перемещений, исследованию которых и посвящена данная работа.

Целью работы является определение основных факторов, влияющих на добровольную миграцию населения в России, а именно, характеризующих миграционную привлекательность регионов.

Научная новизна работы. В данной работе представлена эконометрическая модель панельных данных оценки причин миграционных перемещений, объединяющая в себе отдельные особенности подходов отечественных и зарубежных исследователей, примененная для регионов России. Расчеты проведены на основании статистических данных 2011–2014 гг. – периода после изменений методологии учета числа мигрантов.

Постановка модели. Для решения проблем эндогенности данные о миграции и о факторах были разнесены во времени с годовым запаздыванием целевого показателя. На первом этапе оценивается модель совокупных, внешних и внутренних потоков миграции для всех регионов, а затем проводится группировка регионов с дальнейшим внутригрупповым анализом (деление регионов по интенсивности миграционных потоков, деление регионов на приграничные и внутренние). Модель имеет вид

$$LM_{it} = a_0 + a_1LW_{it-1} + a_2LPF_{it-1} + a_3LPP_{it-1} + a_4LUM_{it-1} + a_5LT_{it-1} + a_6LS_{it-1} + a_7LPOL_{it-1} + a_8LC_{it-1} + \varepsilon_{it};$$

i – регион, *t* – период,

где LM_{it} – логарифм числа прибывших в регион;

LW_{it-1} – логарифм среднемесячной номинальной начисленной заработной платы;

LPF_{it-1} – логарифм средней цены 1 м² общей площади типовых квартир на вторичном рынке жилья;

LPP_{it-1} – логарифм стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг;

LUM_{it-1} – логарифм уровня безработицы в среднем за год;

LT_{it-1} – логарифм оборота розничной торговли;

LS_{it-1} – логарифм численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

$LPOL_{it-1}$ – логарифм выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников;

LC_{it-1} – логарифм числа зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения.

Основные результаты исследования. В большинстве случаев наиболее значимым фактором, оказывающим положительное влияние на приток мигрантов в регион, является величина среднемесячной номинальной начисленной заработной платы. Более привлекательные для миграции регионы характеризуются высокой значимостью притягивающих факторов, а по мере снижения миграционной привлекательности увеличивается количество и степень воздействия выталкивающих факторов, таких как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и уровень безработицы. Среди особенностей внешней миграции в России можно выделить положительное воздействие фактора оборота розничной торговли. Таким образом, для приезжих из-за рубежа определяющим становится уровень экономической активности в регионе. Для внешней миграции в относительно непривлекательные регионы значимым становится степень безопасности проживания.

Одним из основных результатов проведенного исследования, который может быть использован при построении миграционной политики с целью привлечения переселенцев в регионы приоритетного заселения, – это вывод о том, что в относительно непривлекательных для миграции регионах следует больше внимания уделять вопросам трудоустройства для вновь прибывших мигрантов путем предоставления переселенцам рабочих мест.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Елифанова Н. С.

**Стратегии адаптации эмигрантов
к новым социокультурным условиям
(на примере эмигрантов из России в Германию)**

Журавлев Э. В.

Новосибирский государственный университет

По данным Росстата, в 2015 г. из России в различные страны эмигрировало 353 233 человека [1]. Это больше, чем за любой предыдущий год (статистика с 1997 по 2015 г.). Современные эмигранты из России сталкиваются с теми же проблемами, с которыми сталкивались люди, уехавшие из страны в девяностых. Эти проблемы обусловлены сложным процессом адаптации к новым социокультурным условиям государства, в которое был осуществлен переезд.

Под эмиграцией, в данном исследовании, мы понимаем выезд из одной страны в другую на постоянное место (иногда на неопределенно длительный период) проживания, как правило, с изменением гражданства [2]. Соответственно, «эмигрантом» является человек, выехавший из одной страны в другую на постоянное или на неопределенно долгий срок проживания. Социокультурную адаптацию можно определить как процесс приспособления этнических групп и, в частности, отдельных ее представителей к новым для себя условиям социокультурной среды [3]. К социокультурным условиям относятся: общественные нормы, правила, преобладающие жизненные ценности, ориентиры, паттерны, культурные традиции и т. д.

В литературе, как правило, выделяется четыре основных адаптационных стратегии: стратегия «геттоизации» реализуется, когда адаптирующиеся к новым условиям мигранты избегают новой культуры; стратегия «культурной колонизации» заключается в агрессивной интервенции собственной культуры в новое место пребывания, проявлением у приезжих этноцентризма и интолерантности; ассимиляция заключается в добровольном или вынужденном отказе от собственной культуры и полную идентификацию с новым этнокультурным сообществом; интеграция (аккультурация) – наиболее успешная стратегия адаптации, заключающаяся в сохранении мигрантами приверженности своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов [3].

Таким образом, объект исследования – адаптация эмигрантов к новым социокультурным условиям. Предметом исследования является дифференциация и трансформация стратегий адаптации эмигрантов из России к новым социокультурным условиям. Цель исследования – выявить

дифференциацию и характер трансформации стратегий адаптации эмигрантов из России к новым социокультурным условиям.

Новизна данного исследования заключается в попытке выявить дифференциацию и характер трансформации стратегий адаптации эмигрантов из России к новым для них социокультурным условиям Германии за период с 1990 по 2015 гг.

В качестве метода сбора данных был выбран метод глубинного интервью, проведенных с эмигрировавшими из России в Германию в период с начала 1990 по 2015 гг. Отбор информантов осуществлялся по ряду критериев: место проживания в России до переезда, знание языка на момент переезда, социально-демографические характеристики, сфера занятости и другие статусные характеристики информантов.

В результате нами были выявлены группы причин и мотивов эмиграции из России и их изменение с начала 1990 по 2015 гг. Мы выявили изменение статусных характеристик в различных сферах жизни эмигрантов с момента переезда из России до настоящего времени. Нами были выявлены факторы, способствующие процессу адаптации и основные сложности, с которыми столкнулись эмигранты из России в новых социокультурных условиях. Мы проследили изменение этнической и гражданской самоидентификации эмигрантов из России с момента переезда до настоящего времени. Выявили основные стратегии адаптации эмигрантов из России и факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии адаптации эмигрантов из России к новым социокультурным условиям Германии. Выявили связь между социально-демографическими характеристиками эмигрантов на момент переезда и их выбором той или иной стратегии адаптации к новым социокультурным условиям. А также выявили характер трансформации стратегий адаптации эмигрантов из России к новым для них социокультурным условиям Германии за период с начала 1990 по 2015 гг.

1. Данные по миграции // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

2. Юдина Т. Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М. : Академический Проект, 2006.

3. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.

Научный руководитель – Иванова В. В.

Территориальные интересы сетевых сообществ и их отражение в виртуальном пространстве

Иванова Е. А.

Новосибирский государственный университет

В двадцать первом веке, одной из площадок концентрации информации о городе становится виртуальное пространство. В отличие от реальности, этот вид пространства предоставляет возможность как жителям города, так и его гостям высказать и обсудить проблемы и достоинства города в глобальном масштабе. Исследование виртуального пространства представляет собой уникальный метод, с помощью которого можно получить целостное понимание того, как воспринимается город его жителями или гостями, куда следует развиваться и что следует поменять. Обсуждения, возникающие в интернете без влияния на то исследователя, становятся ценной информацией, ведь именно так можно понять, что представляет важность на сегодняшний день. В свою очередь, участников данного обсуждения можно назвать сетевым сообществом, интеграция которых возникает на основе проявления общего дискурса в виртуальном пространстве при их вовлеченности в возникающий процесс коммуникации [1].

В этих обсуждениях, мы можем видеть отражение восприятия территории среди сетевых сообществ. По мнению Н. Л. Мосиенко, восприятие территории можно разделить на два аспекта: эмоциональное и прагматическое [2]. И если эмоциональный аспект восприятия выражается в проявлении каких-либо чувств по отношению к городу, то прагматический аспект характеризуется рациональными оценками городской среды. Другими словами, человек оценивает город с точки зрения его возможности удовлетворить потребности для нормального существования внутри этого города [Там же]. На основе возникающих потребностей у каждого индивида формируются свои личные интересы, часть из которых совпадает с интересами социума. В результате этого мы можем наблюдать проявление территориальных интересов, которые выражаются в представлениях индивидов об общих потребностях, целях и направлениях их социально-экономического и культурного развития [3]. Другими словами, именно прагматический аспект восприятия территории является индикатором проявления территориальных интересов индивидов. В данном случае объектом территориальных интересов может выступать как отдельная территория города, например его район, так и город в целом.

Для выделения территориальных интересов города мы будем опираться на классификацию городских потребностей, каждая из которых порождает проявление свойственных ей территориальных интересов. Так, можно

выделить индивидуальные особенности города (внешний облик города, экология), субъектные характеристики города (транспорт, инфраструктура, образование, здравоохранение и др.), личностные особенности города (комфортность жизни в городе, отношения с другими жителями города, ориентиры развития города), а также индивидуальные особенности города (памятники, исторические события, мероприятия) [4].

Таким образом, объектом нашего исследования выступает восприятие города, предметом исследования является отражение прагматического аспекта восприятия города в виртуальном пространстве. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить проявление территориальных интересов Новосибирска и Академгородка через отражение прагматического аспекта восприятия города в виртуальном пространстве

В данной работе мы сконцентрируемся на изучении г. Новосибирска, а также рассмотрим Академгородок, представляющий собой уникальную часть Новосибирска и являющийся территориальной общностью со своими территориальными интересами отличными от городских. Это поможет нам дополнить общую картину территориальных интересов города в целом, а также сравнить интересы, проявляющиеся в Новосибирске и Академгородке.

Информационной базой данного исследования выступают форум НГС и форум Академгородка, а также социальные сети вконтакте и facebook, выбранные нами по принципу своей популярности среди прочих равных. Таким образом, с помощью метода контент-анализа мы сможем выявить дифференциацию территориальных интересов сетевых сообществ Новосибирска через их проявление в виртуальном пространстве. Благодаря этому мы сможем показать весь спектр проблем и волнующих явлений как внутри целого города, так и в его отдельных территориях.

1. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1 (113). С. 32–38.

2. Мосиенко Н. Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации // ИЭОПП СОРАН. Новосибирск, 2008. С. 11.

3. Территориальные интересы: сб. науч. тр. / Науч. ред. А. А. Ткаченко. Тверь, 1999.

4. Жданова С. Ю., Кильченко О. И. Структура городских потребностей у жителей городов-побратимов (на примере исследования жителей городов Перми и Оксфорда) // Вектор науки ТГУ. 2011. Серия: педагогика, психология. № 4 (7). С. 132–136.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Горяченко Е. Е.

Особенности формирования и функционирования групп местной элиты в представлениях новосибирцев: экспертные оценки

Корчагина А. П.

Новосибирский государственный технический университет

Уровни формирования и функционирования элитарных групп принято разделять на федеральный (общегосударственный), региональный (административно-территориальный), муниципальный (так называемые «местные элиты») [1]. При этом муниципальная (местная) элита играет особую роль, поскольку она располагает определенным набором возможностей влияния на организацию жизни населения определенной территории. В частности, местная элита занимается вопросами местного значения, отстаивает интересы местного сообщества на региональном уровне и уделяет внимание развитию микропотенциала территориальной общности в областях культуры, науки, политики и многих других [2].

Однако определенную трудность представляет получение цельного представления об особенностях формирования и функционирования местной элиты, например, в границах конкретного муниципального образования. Источниками соответствующих данных могут и должны, по мнению автора, выступать не только официальные сведения, но и те материалы, которые могут быть получены в результате опросов населения.

Автором было проведено исследование, целью которого являлось выявление представлений жителей г. Новосибирска об особенностях формирования и функционирования различных групп местных элит.

В качестве метода сбора эмпирического материала выступило полуформализованное экспертное интервью с двадцатью представителями четырех сфер профессиональной деятельности: бизнес и предпринимательство, бюджетная сфера, наука, государственное управление. Представители вышеперечисленных групп, по мнению автора исследования, могут выступать в роли экспертов при обсуждении заданной темы, поскольку сферы их деятельности побуждают располагать определенными знаниями относительно области исследования [2].

В рамках данной работы наибольший интерес представляет понимание респондентами термина «местная элита», их представления о механизме формирования местной элиты и особенностях ее функционирования.

По итогам интервью были получены обширные материалы, позволяющие выявить сходства и различия мнений экспертов, принадлежащих к разным сферам профессиональной деятельности. Так, в целом, большинство экспертов сошлись на том, что местной элитой можно назвать активных и равнодушных к делам города лиц, имеющих власть на территории, влияние на принятие значимых для территории решений,

капитал, высокий социальный статус и необходимые связи, а также обладающих лидерскими качествами. Однако эксперты сферы государственного управления отнесли к местной элите главу администрации и бизнесменов. Эксперты из бюджетной сферы дополнили эти варианты известными людьми в областях культуры, искусства, образования, медицины и спорта. Эксперты из научной сферы акцентировали внимание на политических деятелях и ученых. Помимо прочих вариантов, в большинстве своем интервьюируемые из сферы бизнеса и предпринимательства включили в местную элиту уважаемых лиц города (директоров школ, главных врачей больниц, ветеранский актив и т. п.). Большая часть экспертов, включивших предпринимателей и бизнесменов в группу местной элиты, делали оговорку на средний и крупный развивающийся бизнес. Ни один эксперт не отнес к местной элите деятелей каких-либо религиозных организаций.

Представители сферы государственного управления сочли самыми весомыми качествами для вхождения в группу местных элит образование и интеллектуальный потенциал, а также умение убеждать и достигать поставленных целей. Представители бюджетной сферы оказались схожего мнения, однако, также отметили необходимость наличия связей и полезных знакомств. Эксперты из сфер науки и предпринимательства акцентировали внимание на материальной стороне, наличии финансовых средств и производственных активов, отметив также значимость наличия желания внести достойный вклад в развитие территории.

Практически все эксперты посчитали, что при решении городских проблем, местные элиты должны обращаться, прежде всего, к средствам местного бюджета и дотациям областного бюджета, задействовать кадровый потенциал, в отдельных случаях – использовать средства бизнес-сообщества, но, как отмечают эксперты сферы государственного управления, только в рамках частно-государственного партнерства.

1. Корчагина А. П. Методика выявления представлений жителей г. Новосибирск о формировании и функционировании групп местной элиты / А. П. Корчагина, А. Д. Соловьева // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. в 9 ч. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. Ч. 8. С. 226–228.

2. Коломенская А. С. Особенности формирования и функционирования местной элиты в представлениях жителей муниципального образования (на примере города Новосибирск) / А. С. Коломенская, А. П. Корчагина, А. Д. Соловьева // Материалы 12 Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», Самара-Тольятти, 26–29 сент. 2016 г. Самара : Самарский университет, 2016. С. 150–155.

Научный руководитель – Коломенская А. С.

**Политические предпочтения и моральные основания
как мотивы протестного поведения
(на примере студентов г. Новосибирска)**

Макаренко А. С.

Новосибирский государственный университет

В последнее десятилетие в мире происходят стремительные политические и социальные изменения в ряде стран, связанные со сменой политического режима, гражданской войной, например, в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Россия также претерпевает ряд внешнеполитических и внутривнутриполитических изменений, например, введение санкций, падение рубля, экономический спад и др.

В обществе формируются различные мнения граждан относительно политики государства по разным вопросам. Несогласные с политикой индивиды могут выступать с протестами. Изучение протестного поведения является необходимой частью мониторинговых исследований. Социологи и политики замеряют протестные настроения, анализируя легитимность политического режима. Наличие или отсутствие протестного поведения среди населения отражает уровень доверия граждан по отношению к государству в целом и к социальным институтам в частности.

По оценкам ФОМ, положением дел в стране в целом довольны 47 % россиян, недовольны 45 % граждан [1]. За 2016–2017 гг. социологи отмечают рост протестного потенциала (с 16 % до 22 % приняли бы участие в акциях протеста). Наличие протестных акций в обществе, их количественные и качественные характеристики, отражают степень социальной напряженности.

Студенчество как особая группа молодежи более остро чувствуют несправедливость. Протест является средством молодежи утвердить и усилить свой социальный капитал, сплотиться вокруг решения значимой проблемы, организовать собственные действия. Таким образом, объектом нашего исследования является протестное поведение студентов.

На формирование протестного поведения влияют различного рода факторы, политические, социальные и личностные. В данном исследовании рассматриваются личностные факторы формирования протестного поведения. Индивид соотносит свои ценности, убеждения, мировоззрение с политической ситуацией в государстве. Разочарование в существующем порядке приводит к раздражению, тревоге, отчаянию у индивида, что порождает протестное поведение [2].

В качестве личностных факторов выступают моральные основания и политические предпочтения. В исследовании используется теория моральных оснований Дж. Хайда, согласно которой у каждого индивида

есть система моральных принципов, которой он руководствуется при оценке действий в качестве правильных или неправильных. Дж. Хайдт выделяет пять моральных оснований: Забота, Власть, Святость, Верность, Справедливость [3].

Политические предпочтения влияют на формирование протестного поведения в случае несовпадения политических предпочтений индивида и политического курса страны. Для современной России характерно наличие трех основных политических сил: демократы, коммунисты и центристы. Данную типологию мы используем в качестве политических предпочтений.

Цель исследования состоит в выявлении уровня протестного поведения студентов в зависимости от их моральных оснований и политических предпочтений.

Эмпирическим объектом исследования являются студенты г. Новосибирска (18–25 лет). Новосибирск является городом-миллионником, одним из больших по численности городов России. В Новосибирске часто проводятся протестные акции, что делает Новосибирск интересным объектом исследования. Методы исследования – массовый опрос и анкетирование. Данные методы позволят получить информацию о мотивах протестного поведения индивида, его политических предпочтениях и моральных основаниях.

1. Представления россиян о будущем страны через 20 лет [Электронный ресурс] / Фонд общественного мнения, 2017 [последнее посещение 20 февраля 2017]. URL: <http://fom.ru/Budushchee/13169>.

2. Фернхем А., Хейфен П. Личность и социальное поведение. СПб. : ЗАО Изд-во «Питер», 2002.

3. Haidt J. The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. Vintage, 2012.

Научные руководители – канд. социол. наук Малов К. В., канд. психол. наук, доц. Федоров А. А.

Конкурентоспособность выпускников вузов г. Иркутска «глазами» работодателей

Паутова Д. Н., Зарчиков Р. В.

Иркутский государственный университет

В современных условиях все более актуальной становится проблема трудоустройства выпускников вузов. Молодые специалисты, выходящие на рынок труда после окончания учебных заведений, неизбежно сталкиваются с различными сложностями. Зачастую проблемы трудоустройства обусловлены теми установками о конкурентоспособности, которые сложились у работодателей: отсутствие у выпускников опыта работы; низкая подготовка в плане теоретических знаний; субъективная оценка профессионально-личностных качеств; завышенные зарплатные ожидания.

Целью нашего исследования является оценка представлений работодателей о конкурентоспособности выпускников вузов г. Иркутска.

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи:

- проведен социологический опрос работодателей;
- проанализирована полученная информация;
- выявлены требования работодателей к конкурентоспособности выпускника.

Объект исследования – выпускники вузов г. Иркутска. Предмет исследования – конкурентоспособность выпускника.

Для получения результатов исследования был проведен социологический опрос, в котором участвовали 237 работодателей, из 14 сфер деятельности.

При изучении требований работодателей к выпускникам вуза были сгруппированы компетенции: профессиональные, личностные и деловые.

За период обучения в вузе выпускник овладевает профессиональными компетенциями. Они соответствуют уровню присвоенной ему квалификации, которую он способен воспроизвести в профессиональной сфере. Исходя из полученных результатов, первое, на что работодатель обращает внимание, – уровень теоретических знаний. На втором месте по значимости стоит уровень практических навыков, т. е. опыт. Знание иностранных языков и навык работы со специализированными программами является не столь приоритетными для работодателя, как, например, аналитические способности.

Немаловажную роль в профессиональной адаптации выпускника вуза играют личные компетенции. Они способствуют скорейшему включению молодого специалиста в трудовой процесс, обуславливают развитие необходимых профессиональных навыков и способствуют карьерному росту.

По результатам можно увидеть, что такой критерий, как обучаемость, большинство работодателей поставили на первое место по значимости. Согласно данным опроса, второй по значимости компетенцией является совокупность качеств умение работать в команде и ответственность. Навыки командной работы продиктованы современными условиями на рынке труда. Необходимо уметь грамотно взаимодействовать со всеми членами коллектива, учитывая их мнение и помогая им, ориентируясь на достижение поставленной цели.

Деловые компетенции, которые являются симбиозом личностных и профессиональных компетенций и дополняют образ квалифицированного специалиста. Важнейшей компетенцией, по мнению работодателей, является ориентация на результат. На второе место по значимости большинство работодателей поставило компетенцию «Расстановка приоритетов». Действительно, владение данной компетенцией позволит сэкономить рабочее время: как свое личное, так и коллег. Ввиду быстро меняющейся экономической обстановки и неполной информационной обеспеченности необходимо уметь быстро оценить имеющуюся ситуацию и самостоятельно принять обоснованное решение, в связи с этим навык принятия решений работодатели поставили на третье место по значимости.

Таким образом, на основании проделанного исследования можно составить идеальный образ конкурентоспособного выпускника вуза.

Конкурентоспособный выпускник вуза при условиях, продиктованных современным рынком труда, должен иметь достойный уровень теоретических знаний, подкрепленный практическими навыками, а также обладать аналитическими способностями. Быть легкообучаемым, обладать высокой степенью ответственности, уметь работать в команде и четко и своевременно выполнять указания руководителя. Если молодой выпускник желает произвести достойное впечатление на собеседовании, ему не стоит переоценивать значение внешнего облика и содержания резюме, хотя и забывать совсем об этом не следует, но все-таки нужно постараться не упустить из вида четкость изложения и грамотность речи.

Научные руководители – канд. экон. наук, доц. Волохова С. Г., канд. экон. наук, доц. Вильчинская М. А.

Методы интеллектуального анализа нечисловой информации

Перельгина В. А.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Деревья классификации – это разведывательный метод, позволяющий строить модель предсказания принадлежности объектов к определенному классу зависимой переменной, в зависимости от значений одной или нескольких предикторов (независимых переменных). Данный метод весьма полезен в социологии, где данные чаще всего не метрического типа.

Цель работы – непараметрический анализ данных соцопроса и построение модели классификаций объектов по месту жительства (страна) на основе их социальных характеристик. Данные получены в результате опроса молодежи, проживающих в Монголии (Улан-Батор), Китае (Манчжурия), России (Улан-Удэ, Иркутск). Количество респондентов N = 900 чел. Работа проводится в рамках гранта РГНФ «Общественное сознание молодежи Монголии».

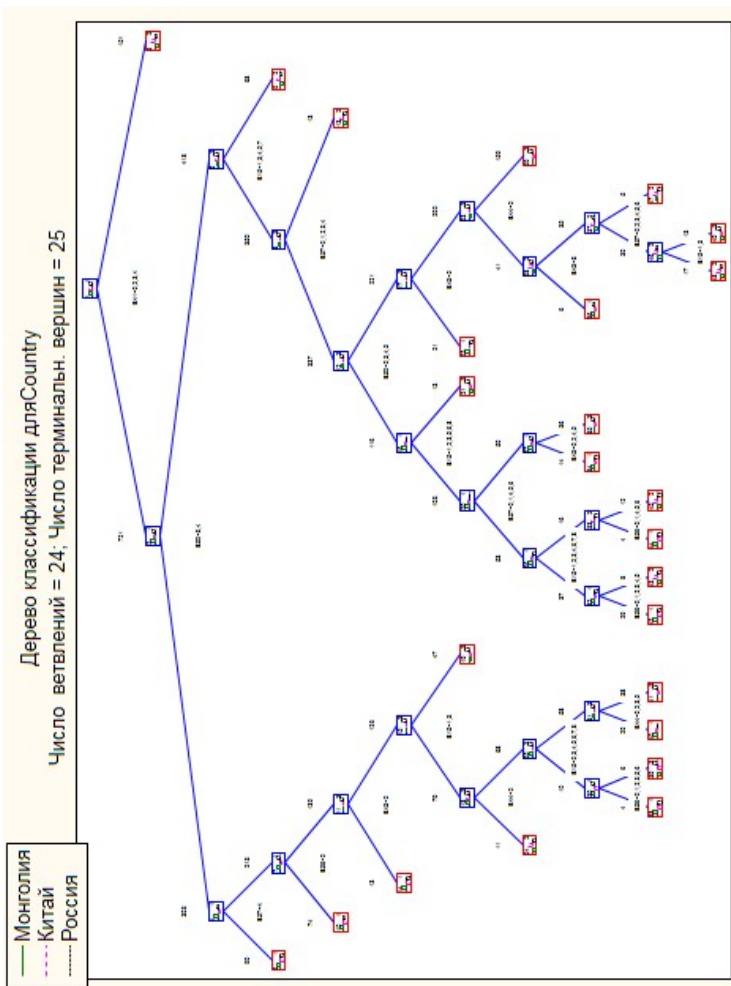
В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты.

1. Произведен подбор и анализ наилучших алгоритмов для построения деревьев классификаций («Дискриминантное одновременное ветвление для категориальных и порядковых предикторов», «Полный перебор для одновременных ветвлений по методу C&RT» и «Модифицированный алгоритм Arjori»).

2. Построено дерево классификаций по алгоритму: полный перебор для одновременных ветвлений по методу C&RT в специализированном программном пакете Statistica 10. Для построения модели в качестве зависимой переменной была выбрана Страна, а в качестве предикторов – вопросы из анкеты:

1) Кем вы являетесь для города? 2) Каким способом решаются проблемы Вашего города? 3) Какие взаимоотношения горожан с иностранцами? 4) Источником Вашего будущего материального благополучия является? 5) Каковы основные источники Ваших доходов? 6) После окончания университета Вы планируете? 7) Что Вы собираетесь предпринять для улучшения своего материального положения?

Полученная модель классификаций в виде «дерева решений» описывает взаимосвязь страны проживания и с вышеперечисленными вопросами.

Дерево классификации

3. Произведена оценка качества построенной модели. Доля правильно квалифицированных объектов составила 0,68 (68 %).

Таким образом, данная модель позволяет более глубоко понять общественное сознание молодежи соседних восточных стран и способствует построению правильных социально-экономические взаимоотношения с ними.

Научный руководитель – канд. пед. наук Цыбиков А. С.

**Система ценностей молодежи Академгородка:
динамический аспект**

Полянская М. Н.

Новосибирский государственный университет

Необходимость исследования динамики ценностей молодежи обусловлена особой ролью этой социальной группы в развитии современного общества. Молодежь отличается самостоятельностью, инициативностью и уверенностью в том, что сможет изменить жизнь в лучшую сторону. Особый интерес представляет изучение ценностей молодежи в условиях специфической локальной территориальной общности Академгородка. Относительная самодостаточность Академгородка определялась наличием мест приложения труда (научных институтов, университета) и собственной инфраструктуры, позволяющих жителям сосредотачивать здесь свою трудовую, образовательную, досуговую и рекреационную деятельность» [1, с. 139]. Академгородок, по-прежнему, остается крупным научным центром, в котором проживают и работают высококвалифицированные кадры, в котором расположены крупные научно-исследовательские центры разного профиля, научное сообщество Академгородка имеет довольно тесные связи с зарубежными коллегами и научными организациями. Вместе с тем перспективы развития Академгородка в значительной мере зависят и от его молодых жителей.

В основе данного исследования лежит деятельно-активистский подход к пониманию ценностей. В рамках этого подхода ценности определяются как «концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей, центры мотивации человеческого поведения. Ценностью может быть любое явление, предмет или способ действий, которые содействуют удовлетворению потребностей или реализации интересов той или иной социальной группы» [2]. Ценности принято разделять на терминальные и инструментальные. Первая группа ценностей – стандарты для оценки целей деятельности и допустимых способов достижения этих целей; вторая – «инструментальные ценности применяются для оценки и выбора способов достижения целей, т. е. модуса поведения и набора конкретных действий» [3, с. 19]. Таким образом, изучая систему ценностей, можно понять, чем живет молодежь сегодня и чего от молодежи можно ожидать в будущем, т. е. можно получить некий прогноз развития страны или отдельной территории в целом.

В качестве объекта данного исследования была выделена система ценностей молодежи. В роли предмета исследования выступает динамика ценностей молодежи Академгородка. Целью данного исследования ставится выявление и описание тенденции изменений в структуре

ценностей молодежи Академгородка. Под молодежью в данном исследовании понимаются лица в возрасте от 18 до 35 лет, постоянно проживающие на территории Академгородка.

В исследовании используются как количественные методы анализа данных (анализ с помощью статистического пакета SPSS для обработки первичных социологических данных), так и качественные методы социологического исследования (в частности, фокус-группы с использованием методики Ш. Шварца для выявления ценностей, глубинное интервью и интервью с экспертами).

Информационной базой количественного исследования служили результаты комплексного социологического исследования, проведенного в 2003 и 2012 гг. кафедрой общей социологии НГУ совместно с ИЭОПП СО РАН.

Проведенный факторный анализ показал, что в структуре терминальных ценностей молодежи Академгородка и в 2003, и в 2012 г. выделяются сходные ценности, такие как стабильность условий жизни, образование, уважение окружающих, здоровье, карьера и высокое положение в обществе, хорошие отношения между людьми и материальное благополучие.

Но в то же время система ценностей молодежи Академгородка 2012 г. имеет ряд особенностей, отличающие ее от системы ценностей 2003 г. Во-первых, в качестве одной из основных ценностей молодежи в 2012 г. выступает семья. Во-вторых, для молодежи в 2012 г. важно ощущение своей нужности людям. Также в ее системе ценностей проявилась относительно новая ценность для нашего общества – «свобода / независимость», несвойственная советскому человеку или человеку, воспитанному на советских идеалах (например, для молодежи 2003 г.).

1. Горяченко Е. Е. Оценка развития локальной территориальной общности научного типа (на примере Новосибирского Академгородка) // Регион: экономика и социология. 2008. № 4. С. 138–154.

2. Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] / Отв. ред. И. А. Халий. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf (дата обращения: 17.02.2017).

3. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева // М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 448.

Научный руководитель – канд. экон. наук, доц. Горяченко Е. Е.

Анализ соответствий данных опроса студенческой молодежи в столицах внутренней Азии

Раднаев Н. З.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Анализ соответствий (корреспондентский анализ) – это статистический метод анализа двумерных и многомерных таблиц сопряженности, содержащих информацию по взаимосвязанным категориальным переменным. Анализ соответствий – метод многомерного шкалирования категориальных данных. Одна из целей анализа соответствий – представление содержимого таблицы относительных частот в виде расстояний между отдельными строками и /или столбцами таблицы в пространстве, возможно, более низкой размерности.

Цель работы – применение метода «Анализ соответствий» для поиска взаимосвязей между вопросами соцопроса молодежи Монголии, Китая и России. В опросе участвовало 900 студентов Монголии (300), Китая (300) и России (300). Данные получены в рамках гранта РГНФ «Зарубежные образовательные программы как инструмент влияния иностранных государств на трансформацию культурных ценностей современной молодежи».

В ходе исследования были получены следующие результаты. Выявлены и описаны взаимосвязи с помощью процедуры «Анализ соответствий» между страной проживания респондентов (Монголия, Китай, Россия) и ответами на следующие вопросы: 1) Кем вы являетесь для города? ($\chi^2 = 123,1$; $p < 0,05$; см. рис. 1); 2) Каким способом решаются проблемы Вашего города? ($\chi^2 = 51,7$; $p < 0,05$; см. рис. 2); 3) Какие взаимоотношения горожан с иностранцами? ($\chi^2 = 121,6$; $p < 0,05$); 4) Источником Вашего будущего материального благополучия является? ($\chi^2 = 52,5$; $p < 0,05$); 5) Каковы основные источники Ваших доходов? ($\chi^2 = 83,2$; $p < 0,05$); 6) После окончания университета Вы планируете ($\chi^2 = 131,5$; $p < 0,05$; см. рис. 2); 7) Что Вы собираетесь предпринять для улучшения своего материального положения ($\chi^2 = 101,7$; $p < 0,05$).

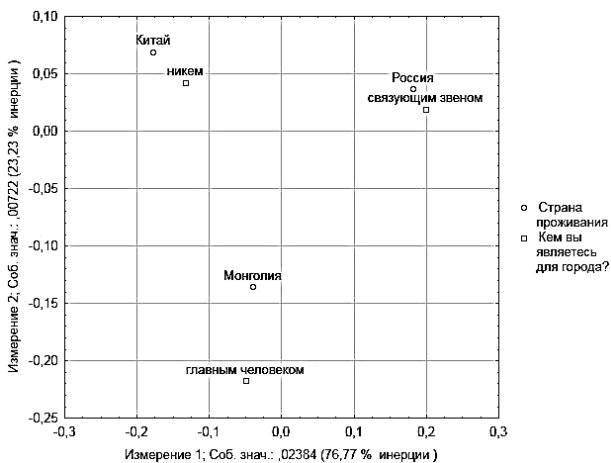

Рис. 1. Взаимосвязь страны проживания и самооценкой уровня значимости для города

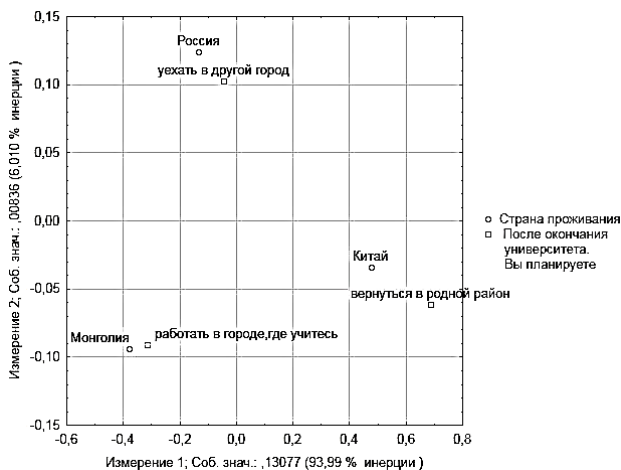

Рис. 2. Взаимосвязь страны проживания и планами на будущее

Кроме того, с помощью дисперсионного анализа найдены статистически значимые взаимосвязи между местом жительства и социальными ценностями.

Таким образом, применение многомерных математических методов позволило детально изучить особенности стран Востока.

Научный руководитель – канд. пед. наук Цыбиков А. С.

Территориальная дифференциация протестного потенциала в Новосибирской области

Семенов П. Д.

Новосибирский государственный университет

С самого момента основания первых городов и по сей день, сравнение города и села остается одной из актуальных тем для изучения во всех науках, и социология – не исключение. Городская жизнь с течением времени претерпевает существенные изменения, что позволяет ей порождать все новые и новые аспекты, привлекающие исследовательский интерес, при этом все больше дистанцируясь от других территориальных формаций (включая сельскую местность и малые города [1]). Протестные настроения же в их современном виде, особенно в России, – явление относительно новое и требующее изучения, в том числе и в территориальном аспекте, одним из вариантов которого является рассмотрение именно через призму дихотомии «город – село».

Особенно остро стоит необходимость изучения протеста в Новосибирской области. Согласно исследованию, проведенному в 2015 г. Комитетом гражданских инициатив [2], Новосибирская область является одним из лидеров по уровню протестной активности и потенциала. Более того, в первом полугодии 2015 г. в целом по стране этот уровень был на 15 % выше аналогичного периода предшествующего года. Это определяет необходимость изучения протестного потенциала на данной территории. Однако, обращаясь к публикациям региональных СМИ, касающихся протестов в регионе, можно заметить, что наибольшее количество освещаемых в подобных медиа акций протеста происходит непосредственно в Новосибирске, не затрагивая сельскую местность. Тем не менее, существует вероятность того, что освещением акций местного масштаба занимаются локальные СМИ, в то время как региональные не придают им значения, достаточного для публикации.

Таким образом, изучение протестного потенциала с точки зрения территориального противопоставления «город – село» представляется как возможность получить более полное представление о протестности региона и отдельных его частей, а также о причинах, определяющих характер складывающейся ситуации.

Целью работы является выявление территориальной дифференциации протестного потенциала, иными словами – определение наиболее и наименее протестных частей региона и некоторых закономерностей, сопутствующих его распределению. Такая постановка цели позволяет уточнить понимание протестности Новосибирской области, выявив,

характерен ли высокий протестный потенциал для нее в целом или лишь для отдельно взятых ее частей.

Информационной базой исследования являются результаты телефонного опроса, проведенного летом 2016 г. исследовательским агентством «Медиасофт», касающегося готовности жителей региона участвовать в акциях протеста, а также проблем, которые волнуют жителей и из-за которых они готовы решиться на протест. Работа включает проведение кластерного и факторного анализов этой базы в программе SPSS Statistics, где кластеры будут основаны на типологии поселения, а факторы – на причинах недовольства жителей.

Результатом работы является сравнительный анализ уровня и причин протестного потенциала в городской и сельской местности. Изначальная гипотеза предполагала присутствие наивысшего протестного потенциала в городе ввиду неоднородности состава его населения и разнообразия социальной жизни, в то время как в сельской местности рост протестного потенциала ожидался лишь по мере приближения к городу. Однако, анализ показал совершенно противоположную картину: в областном центре и приближенных к нему городах протестный потенциал относительно низок – так, в самом Новосибирске протестовать готовы 20,9 % опрошенных, а в р. п. Кольцово, которому, несмотря на классификацию, присущ городской образ жизни, – всего 11,7 %. Более всего оказались готовы протестовать жители Доволенского района и удаленного от столицы региона Искитима – 40,7 % и 34,7 % соответственно.

Также работа предполагает получение созданной на основе упомянутых результатов визуализации результатов исследования, которая включает в себя составление комплекса карт протестного потенциала Новосибирской области, на которых будет отражен уровень протестного потенциала каждого района и / или муниципального образования области как по отдельным факторам, так и в совокупности. Данные этих карт дадут наглядное подтверждение части выводов, касающейся связи протестного потенциала и удаленности от областного центра.

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // ЛОГОС. 2002. № 3–4.

2. Оценка социально-экономической и политической напряженности в регионах России за первое полугодие 2015 г. (на 1 июля) [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив, 2015. URL: <http://komitetgi.ru/analytics/2563/> (дата обращения: 03.11.2016)

Научный руководитель – канд. социол. наук Малов К. В.

Социально-демографические проблемы рынка труда Кемеровской области

Сетдарова Р. Р.

Сибирский институт управления, г. Новосибирск

Изучение влияния демографических факторов на функционирование рынка труда является в настоящее время одним из актуальных направлений, которое стоит перед региональной экономикой. Демографические процессы оказывают существенное влияние на формирование предложения труда, а вследствие этого и на экономическое развитие региона. Проведение анализа демографической ситуации в регионе может быть направлено на определение тенденций в сфере занятости и перспективных направлений подготовки специалистов в образовательных учреждениях.

Актуальность предложенной тематики обусловлена необходимостью в условиях глобального изменения миграционных потоков проводить региональную демографическую политику, которая имела бы положительное влияние на социально-экономическое развитие региона. В связи с чем основной целью исследования автор поставил перед собой провести анализ влияния демографических факторов на рынок труда в Кемеровской области и разработать рекомендации по улучшению демографической ситуации в регионе.

В результате исследования можно сделать вывод, что в Кемеровской области возникают предпосылки для дефицита рабочей силы в результате ухудшения половозрастной структуры населения региона, сокращения численности экономически активного населения, ухудшения воспроизводственных процессов рабочей силы и формирования необходимости импорта рабочей силы. Численность жителей области не компенсируется ни за счет рождаемости, ни за счет миграции. На протяжении последних лет Кемеровская область относится к группе субъектов РФ, в которых население сокращается за счет естественной убыли и миграционного оттока населения.

Население региона ежегодно сокращается. Эта проблема носит устойчивый характер в последние годы. Автором был выполнен демографический прогноз численности населения Кемеровской области на 2015–2025 гг. методом передвижки возрастов. Согласно прогнозу численности населения Кемеровской области на 2015–2025 гг., эти процессы будут сохраняться в дальнейшем. На основании прогноза численности населения можно сделать вывод, что в Кемеровской области будет нарастать процесс депопуляции, население ежегодно будет сокращаться в среднем на 0,36 %, и за 10 лет население сократится на 3,6 %.

При этом особую тревогу вызывает снижение численности населения Кемеровской области в трудоспособном возрасте, что приводит к ограничению предложения на местном рынке труда. На основе прогноза численности трудоспособного населения Кемеровской области на 2015–2025 г. автор сделал вывод, что будет происходить процесс ежегодного сокращения численности трудоспособного населения и за 10 лет оно сократится на 9,9 % (или на 154 665 человек), в связи с этим произойдет обострение проблем, связанных с рынком труда в Кемеровской области – в частности, возникнет дефицит рабочей силы.

В настоящее время существует также неудовлетворенный спрос на отдельные категории специалистов при растущей безработице в большинстве профессиональных категорий рабочей силы. Очевидно, что в сложившейся ситуации необходимо принимать неотложные меры, направленные на компенсацию возможных потерь трудового потенциала. Если не будут разработаны комплексные меры по решению демографических проблем в Кемеровской области, то будет продолжаться процесс депопуляции, что приведет к истощению ресурсов социально-экономического развития региона. В 2016 г. Кемеровской областью была разработана программа «Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области на 2016–2018 гг.», в которой планируется проведение комплекса мероприятий в сфере здравоохранения и социальной поддержки населения. Для улучшения ситуации в регионе необходима разработка и проведение комплексных программ развития во всех сферах, чтобы стабилизировать ситуацию в регионе и повысить его престиж в целом. В качестве источника решения проблемы дефицита рабочей силы возможно применить привлечение мигрантов в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики, создание рабочих мест для трудоустройства инвалидов, создание условий для совмещения женщиной занятости в семье и на рынке труда, разработку и реализацию мероприятий по улучшению условий и охраны труда.

Научный руководитель – канд. полит. наук, доц. Шевцова Е. В.

**Отношение к проблемам окружающей среды:
межстрановый анализ**

Шахворостова Е. С.

Новосибирский государственный университет

Нельзя назвать тему, касающуюся защиты окружающей среды и взаимодействия человека с природой, новой. Но, как пишет в своей статье Н. В. Ульянова, эколого-нравственная проблема защиты окружающей среды в наше время перерастает в «проблему предотвращения стихийного воздействия людей на природу, в сознательно, целенаправленно, планомерно развивающееся взаимодействие с нею» [1]. В связи с этим, экологическая социология набирает популярность в нашей стране и за ее пределами, а особое внимание в исследованиях подобного рода отводится изучению экологической культуры в ее социологическом смысле. Согласно статье Маршака, под экологической культурой можно понимать «закономерности развития экологической деятельности общества, формы экологического сознания, методы распространения экологических идей, а также эколого-культурных принципов, норм, ценностей, установок и образов поведения, регулирующих взаимоотношения в системе “человек – природа”» [2]. Именно такого определения мы будем придерживаться в данной работе.

Стоит отметить, что на тему экологического воспитания и экологической культуры, как в отечественной, так и в зарубежной науке, написано очень много работ, однако зачастую поиск причин недостаточно сформированного навыка бережного отношения к природе и низкого уровня экологической обеспокоенности сводится к проблемам педагогического плана или к личностным особенностям индивидов. Культурные аспекты, такие как религия, системы ценностей, а также влияние на них географических и демографических особенностей среды проживания человека или экономическое положение страны, в которой он проживает, крайне редко фигурируют в подобных исследованиях. Еще менее детально в таких работах осуществляется попытка сравнения разных стран по этим аспектам. В данной работе совокупность перечисленных условий проживания индивидов будет называться социальными детерминантами уровня экологической обеспокоенности представителей разных стран.

Наиболее наглядно проиллюстрировать уровень экологической культуры и, в частности, экологической обеспокоенности позволяет описанная в статье Маршака идея А. Баранова о разделении носителей экологической обеспокоенности на четыре типа. Представители первого – совершают активные действия для предотвращения пагубного влияния

человека на природу. Второй тип характеризуется пассивностью подобных действий, но на словах выражает сильную обеспокоенность экологическими проблемами. Третий тип готов идти на временные нарушения норм природопользования, поскольку верит в положительные тенденции в вопросах защиты окружающей среды, хотя на словах демонстрирует свою озабоченность экологическими проблемами. Наконец, представители четвертого типа: данные люди не видят существенной опасности в связи с состоянием окружающей среды, «относится к фактам экологических нарушений индифферентно, не имеет своего мнения о приоритетах в экологической политике» [2].

Таким образом, цель данной работы: выявить социальные детерминанты, влияющие на формирование у индивида определенного типа экологической обеспокоенности, в том числе с учетом межстрановых различий. Теоретический объект исследования: экологическая обеспокоенность индивидов, предмет: социальные детерминанты типов экологической обеспокоенности индивидов. В работе проверены гипотезы о влиянии на формирование типа экологической обеспокоенности следующих факторов.

Индивидуальные:

- уровень образования;
- религиозное участие;
- состав семей;
- политическое участие;
- пол;
- возраст.

Характеристики страны проживания:

- географическое положение;
- ВВП на душу населения;
- плотность населения;
- количество экологических организаций.

1. Ульянова Н. В. Экологическое сознание и экологическая культура, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 6.

2. Маршак А. Л. Глобальная экологическая культура общества как фактор формирования социальной толерантности // Общество и право. № 1. 2013.

Научный руководитель – Лаврусевич П. Е.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

УДК 316

«Формула успеха» онлайн-обучения

Анисимова С. Е.

Новосибирский государственный университет

В приоритетном проекте «Современная цифровая образовательная среда в РФ» предполагается увеличение количества освоивших онлайн-курсы до 11 млн человек к 2025 г. Конечной целью развития российского цифрового образовательного пространства является не только расширение аудитории зарегистрированных слушателей онлайн-курсов, но и удержание их интереса на протяжении периода обучения, стимулирование к успешному освоению контента. Согласно статистике онлайн-платформ, несмотря на большое количество зарегистрированных на онлайн-курсы, процент их завершающих в среднем около 13 % от активных слушателей [1].

В работах российских авторов относительно слабо представлена аналитика, которая необходима для сопровождения развития цифровой образовательной среды. Целью данного исследования является изучение составляющих «формулы успеха» онлайн-обучения, которые способствуют успешному завершению онлайн-курсов.

Отбор информантов проводился среди русскоязычных пользователей МООК, независимо от места их проживания. Респондентов рекрутировали в сообщества социальной сети «ВКонтакте», посвященных онлайн-курсам. Проведены 30 нарративных интервью с декабря 2016 по январь 2017 г. с завершившими обучение хотя бы на одном МООК в течение последних четырех лет.

На основе ретроспективной рефлексии респондентов получена дополнительная – к аналитике больших данных онлайн-платформ – информация. В частности, вариативность потребностей и жизненных ситуаций, в которых опрошенные принимали решение об онлайн-обучении, обуславливает широкий диапазон их первоначальных ожиданий. Однако, несмотря на вариативность, составляющие «формулы успеха» онлайн-обучения в сознании слушателей формируются на основе сравнения их ожиданий на входе в онлайн-курс и полученных в результате знаний и практических навыков.

1. Onah D. F. O. Dropout Rates of Massive Open Online Courses: Behavioral Patterns [Электронный ресурс] / D. F. O. Onah, J. Sinclair, R. Boyatt; [Обращение к документу 16 января 2017]. URL: https://www2.warwick.ac.uk/fac/sci/dcs/people/research/csrmaj/daniel_onah_edulearn14.pdf

Научный руководитель – канд. социол. наук, доц. Саблина С. Г.

Отказ молодежи от использования социальных сетей: экспериментальные данные

Басина П. А.

Новокузнецкий институт (филиал Кемеровского государственного университета)

С 1991 г. началось распространение явления, позже названного «Интернет-зависимость»: огромное количество людей по всему миру выпадают из социальной реальности по причине избыточного времяпровождения в сети. Изучением данной проблемы занимаются такие современные исследователи: Кимберли С. Янг, А. Е. Войкунский, Э. Голдберг, Ц. П. Короленко [1].

В настоящее время одной из основных форм проведения досуга молодежи в Интернете становятся социальные сети. По данным 2016 г., самыми популярными социальными сетями среди пользователей России в возрасте 16–24 лет являются «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook». По объему ежемесячной аудитории, согласно данным, заявленным официальными источниками, «ВКонтакте» занимает первое место, «Одноклассники» – второе, а «Facebook» – пятое место в России [2].

Интернет-зависимость проявляется в том, что молодые люди чувствуют эмоциональный дискомфорт, потерю социальных связей без посещения подобных сайтов. Цель нашей работы состояла в том, чтобы экспериментальным методом изучить, какие краткосрочные последствия влечет отказ молодых людей от использования социальных сетей.

Эксперимент заключался в том, что испытуемые, ранее прошедшие анкетирование с целью выявления наличия интернет-зависимости и предмета этой аддикции, отказываются от пользования социальными сетями «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» на две недели. После первой недели проведения эксперимента было проведено интервью с каждым из участников. Следующий этап исследования предусматривает интервью по окончании эксперимента.

Испытуемыми выступили пять человек в возрасте от 19 до 21 года, среди них – один молодой человек и четыре девушки. Все испытуемые были зависимы от социальной сети «ВКонтакте», а юноша – еще и от онлайн-игр.

В результате первого интервью были выявлены несколько общих моментов. Двое испытуемых считают, что их жизнь изменилась в лучшую сторону, у них появилось больше свободного времени, которое они стали использовать продуктивнее: читать книги, смотреть фильмы. Для других двоих испытуемых ничего не изменилось, а для одной испытуемой данный эксперимент оказался тяжелым испытанием. Ощущение скуки без

социальных сетей испытали две девушки. Все респонденты испытали ощущение потери связи, но в разной степени: одна участница ощущает себя изгоем, лишенным общения, на остальных участников потеря связи оказала незначительное влияние. Трое испытуемые ощутили трудности, связанные с получением информации об учебе.

Каждый участник нашел себе замену социальным сетями в Интернете: трое испытуемых начали активнее играть в онлайн-игры, среди них – юноша. Все девушки стали использовать «Instagram», «WhatsApp», «Viber», а одна из них стала проводить свое свободное время на сайте «YouTube». Одна из испытуемых отметила, что пользоваться мессенджерами гораздо удобнее, так как они служат прямым средством связи и не отвлекают ничем посторонним. Трое участниц считают, что их интерес к социальным сетям упал, для молодого человека, по его оценке, ничего не изменилось, а одна участница ждет окончания эксперимента, чтобы поскорее вернуться в социальную сеть. Интересно отметить, что испытуемая, для которой эксперимент является тяжелым испытанием, в первые дни эксперимента около 50 раз в день нажимала в телефоне на иконку приложения «ВКонтакте», и, хотя она не пользуется социальными сетями, по-прежнему проводит большое количество времени в Интернете, используя связь через телефон. Все испытуемые за время проведения эксперимента не заходили на веб-страницы социальных сетей, кроме одной участницы, нарушившей условия эксперимента.

На данной стадии эксперимента можно сделать некоторые выводы. Социальные сети, помимо общения, привлекают различными информационными возможностями. При отказе от социальных сетей участники испытывают трудности в связи с социальным окружением, для разрешения которых они начинают активнее пользоваться мессенджерами. Каждый из участников нашел себе альтернативу социальной сети.

Таким образом, на данном этапе эксперимента наибольшее влияние имеет ограничение информационной и сетеобразующей функций социальных сетей, а в одном случае мы наблюдаем своеобразную Obsession практики.

1. Гуреева А. Ю., Сизов С. В. Интернет-зависимость: современное состояние проблемы // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2005. Т. 5, № 2. С. 127–129.

2. Фролова Е. Самые популярные социальные сети в России 2016. 01.07.2016. URL : <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016/> (дата обращения: 25.01.2017).

Научный руководитель – Маляр А. А.

Границы публичного и частного в интернет-коммуникации

Вежновец Е. А.

Новосибирский государственный университет

В социологическом исследовании Интернета мы говорим о возникновении особого цифрового виртуального пространства взаимодействия, которое служит средой обмена информацией. Развитие интернет-коммуникаций неизбежно влечет за собой определенные видоизменения, возникновение новых специфических черт социального взаимодействия, характерного именно для виртуальных коммуникаций. Трансформации касаются в том числе того, что мы привыкли называть **публичной сферой**. Новые возможности обмена информацией, которые предоставляет нам Интернет, становятся основой для появления новых форматов существования публичной сферы, видоизменения ее содержательного направления в то числе в части смещения границ между **публичным (public)** и **частным (private)**.

На разных этапах развития общества разделение того, что принято считать личным (интимным) и публичным (общественным) происходило различным образом, поэтому говорить о том, что проблема смещения границ публичного и частного возникла только с развитием Интернета было бы неверным. Под приватной сферой понимается некоторая часть жизни индивида, которая, по крайней мере частично, свободна от проявлений власти социальных институтов [1]. Понятие публичной сферы, в свою очередь, принято рассматривать в оппозиции к понятию частной сферы и тесно связывать со сферой проявления власти социальных институтов. В пространство публичного попадают все те сферы социальных взаимоотношений, где в полной мере проявляет себя власть социальных институтов, в том числе политических.

Появление Интернета дает толчок к возникновению интереса исследователей не только к вопросу определения границ публичного и частного, но и к деформации этих границ. Проблематизировать этот процесс исследователи стали только в XX в. (Х. Арндт, Ю. Хабермас) с активным развитием масс-медиа. Развитие интернет-коммуникаций подстегнуло интерес к данному вопросу, так как Интернет создает принципиально новое пространство коммуникаций, которое как может предоставить новые возможности для различных проявлений публичной сферы, ее возрождения, так и окончательно ее уничтожить. О негативном воздействии масс-медиа на публичную сферу говорили еще до массового распространения Интернета. Так, например, в 1978 г. Ричард Сеннет пишет о становлении века всеобъемлющей субъективизма, «тирании интимности» [2].

Происходит постепенное нарушение баланса между сферами публичного и частного, первоначально возникшего вместе со становлением капиталистического общества, проявляющееся в нарушении работы публичных социальных институтов (здесь Сеннет в первую очередь говорит об искажении понимания власти и политического поведения). На первый план выходит проблема того, чем станет для публичной сферы развитие Интернета – источником актуализации или окончательной деградации. Среди исследователей сегодня предпринимаются попытки создания оптимистичных теорий, призванных раскрыть потенциал интернет-коммуникаций в части реабилитации публичного и возникновения «нового баланса». В качестве примера здесь можно упомянуть позицию Зизи Папахариси, которая говорит о процессе конвергенции публичного и частного, вводя понятие «публичной приватности» [1].

Классическая традиция определение частного и публичного в логике взаимоисключения по-видимому устаревает. В нашем исследовании также будем придерживаться «оптимистичных» позиций, предполагающих трансформацию, но не исчезновение одного из элементов дихотомии публичного и частного. Предполагается провести работу по теоретической концептуализации идей З. Папахариси, Р. Сеннета и других исследователей проблемы публичного и частного, насыщая полученную теоретическую схему эмпирическим материалом российской действительности и вырабатывая тем самым эмпирически обоснованную теоретическую концепцию. Иллюстративным объектом исследования, с данной точки зрения, являются социальные сети, как глобальные коммуникативные пространства, обладающие одновременно публичным и частным характером. В процессах публичных коммуникаций, а также практиках участия в социальной сети, можно видеть конструирование новых границ частного и публичного. Интересным представляется сопоставление условно объективных параметров (т. е. того, что реально артикулируется посредством социальных сетей) с субъективными смыслами, которыми наделяют эти артикуляции пользователи. Вполне естественно, что установление границ публичного и частного вероятно будет различаться в зависимости от ситуации коммуникации, инструментов, которые нам предлагает социальная сеть, ее технических ограничений.

1. Жолудь Р. В. Публичная сфера в социальных медиа: от деградации к трансформации // Вестник ВГУ. 2013. Серия: Филология. Журналистика. № 1. С. 132–135.

2. Сеннет Р. Падение публичного человека. М. : Логос, 2002. 424 с.

Научный руководитель – канд. социол. наук Чудова И. А.

**Дифференциация туристических ролей и практик
в структуре туристического пространства взаимодействия
(на примере Азиатских стран)**

Жук А. В.

Новосибирский государственный университет

Данная работа акцентирует свое внимание на таких значимых для социологии понятиях, как социальные роли, социальные практики и структура социального пространства. В этой работе мы рассматриваем туристическую практику как вид социальной, поэтому обращаемся к трактовкам этого понятия многих известных социологов, среди которых и Пьер Бурдьё, и Энтони Гидденс, и Гарольд Гарфинкель, и другие исследователи.

Что касается туристических ролей, то в статье «*Toward a sociology of international tourism*» Эрик Кохен (Eric Cohen) выделяет их типологию. Он говорит, что существует 4 типа туристов: организованный массовый турист (*organized mass tourist*), индивидуальный массовый турист (*individual mass tourist*), исследователь (*the explorer*) и бродяга (*the drifter*) [1]. Первые два вида относятся к институционализированным туристическим ролям, последние две – к неинституционализированным. Данная терминология выведена из предположения о различии типов по использованию различных институций (отелей, туроператоров, турагентов, менеджеров и др.), а также по степени знакомства туриста с другой культурой.

Для выявления элементов туристического пространства взаимодействия мы используем идею И. Гоффмана о структурном разделении пространства на передний и задний планы. Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты [2]. Для туристического пространства, передний план – место встречи гостей и хозяев, потребителей и обслуживающего персонала, а закулисы – место отдыха в перерыве [3]. Разные типы путешественников хотят (осознанно или нет) проникнуть на разные места в туристическом пространстве взаимодействия. Уезжая за тысячи километров, на другую, как казалось бы, часть планеты, массовые туристы стремятся увидеть гостиницы и отели, по уровню не уступающие европейским, полный комфорт в перемещении и организации досуга, а также проникновение в культуру страны, в которую они приехали, но издалека, не общаясь с местными, не изучая их настоящий быт и не погружаясь в их ритуалы и обычаи. Нам интересно узнать, почему массовый турист сразу «садится в зрительный

зал» и выбирает более пассивные виды туристических практик в отличие от туристов, имеющих неинституционализованные туристические роли. Почему первые не хотят увидеть «раздражающую» реальность, а вторые, наоборот, стремятся уйти со сцены, проникнуть за кулисы и выйти за рамки того мыльного пузыря – спектакля, который разыгрывают перед ними местные? Как зависит (вос)производство практик от выбранного «места в зале» и от той туристической роли, с которой себя идентифицирует турист?

Таким образом, объект данного исследования – структура туристического пространства взаимодействия. В качестве предмета исследования выступает дифференциация туристических ролей и практик в структуре туристического пространства взаимодействия. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить дифференциацию туристических ролей и практик в структуре туристического пространства взаимодействия.

В качестве эмпирического объекта исследования были выбраны туристы, последнее путешествие которых было в одну из азиатских стран в течение последнего года. Для сбора данных мы использовали наблюдение и метод глубинных интервью. Наблюдение использовалось как разведывательный метод для выявления элементов структуры туристического пространства взаимодействия. Метод глубинных интервью позволил выявить характеристики туристов и определить их туристические роли, выявить и описать те наборы туристических практик, которые они используют в путешествии.

Таким образом, нами были выявлены характеристики, присущие представителям институциональных и неинституциональных туристических ролей, элементы структуры туристического пространства взаимодействия и наборы практик, используемые представителями разных туристических ролей, а также были сделаны выводы о дифференциации туристических ролей и практик в структуре туристического пространства взаимодействия.

1. Cohen E. *Toward a sociology of international tourism*, 1972.

2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

3. Покровский Н. Е. Туризм: от социальной теории к практике управления: учеб. пособие / Н. Е. Покровский, Т. И. Черняева. Логос, 2008. С. 124.

Научный руководитель – Иванова В. В.

**«Аборигены» и «мигранты»:
особенности поведения в социальных сетях**

Зыкова М. А.

Новосибирский государственный университет

Постоянное развитие технологий в современном мире, без сомнения, влияет на многие аспекты социальной жизни индивидов, одной из основных особенностей данных изменений является изменение способа коммуникации и межличностных взаимодействий. Также в мире постоянных трансформаций тема интернета – как нового способа коммуникации, реорганизации сообществ и формирования новых групп – набирает все большую популярность и это, безусловно, связано с тем, насколько плотно интернет входит в нашу повседневность и рутинизируется в ежедневных практиках. При этом интернет-коммуникации и взаимодействия индивидов в виртуальном мире способны ставить все новые вопросы перед исследователями. Одним из таких вопросов является возникновение такого понятийного конструкта, как интернет «аборигены» и «мигранты».

Само различие «аборигены / иммигранты» было предложено более 15 лет назад М. Пренски в контексте педагогики с целью обнаружения необходимости трансформации форм и методов в обучении. Пренски определял «цифровых аборигенов» как тех, для кого язык компьютера и интернет является их родным, «цифровых иммигрантов» как тех, кто не был рожден в цифровом мире, но на определенном этапе подключился к использованию цифровых технологий [1]. Сам вопрос межпоколенческих взаимодействий не является новым, но при этом сохраняет свою актуальность, так, за счет своей малой изученности, актуальной является поколенческая дифференциация реализации интернет-коммуникаций. При этом важным в настоящее время остается вопрос поколений и их взаимодействия между собой в интернете. Карл Мангейм писал о том, что поколение характеризуется определенным «положением», специфической взаимосвязью и известным «единством» [2]. При этом можем ли мы говорить о поколениях в интернете относительно их специфической взаимосвязи, обладают ли они отличительными практиками взаимодействия с интернетом, внутри интернета и с другими поколениями в интернете – это те вопросы, которые мы стремимся рассмотреть в работе.

Таким образом, основная интенция данного исследования заключалась в том, чтобы проследить, каким образом интернет вписан в жизнь индивидов, которых мы соотносим с условными категориями аборигенов и мигрантов как идеальными типами. Также мы стремимся проследить,

какие различия в интернет поведении способно уловить данное различие.

Так, одним из интересных, на наш взгляд, способов получения данных о взаимодействиях индивидов с миром интернета был сам интернет, таким образом, нами было решено использовать два способа сбора информации: первый – глубинное интервью (offline-интервью) и второй – тоже глубинное интервью, но уже в социальной сети «В контакте» (online-интервью).

В данном случае хотелось бы сделать акцент именно на втором выбранном нами методе, так, его интересной особенностью является то, что респондент в буквальном смысле погружен в ту среду, на тему которой его просят порефлексировать «здесь и сейчас». Использование сбора информации онлайн с людьми разных поколений уже на этапе сбора информации демонстрирует различия в восприятии интернета и соответственно в способе пользования, а значит, выраженности идеально-типического различия «аборигены / мигранты».

Так, в процессе анализа, у «аборигенов» выделились черты к более открытому поведению в интернете, они не стремятся выделять частных границ между офлайн и онлайн, важным для них, скорее, выступает возможность непосредственной передачи информации. При этом в поведении «мигрантов» наблюдается разделение между реальным и виртуальным. Наблюдалось, что даже когда виртуальное выступает как привилегированный способ коммуникации, интернет все равно не является площадкой для близкого общения. Таким образом, в изучении поведения получен вывод о том, что для «аборигенов» социальные сети и их возможности – это часть повседневности, где реальное и виртуальное предстает в соединении практик рутинного повседневного общения, тогда как для «мигрантов» – это новые возможности для осуществления деловых практик или общения по интересам.

1. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press, 2001. Vol. 9, № 5.

2. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. с нем. Е. Я. Додина; отв. ред. Л. В. Скворцов. М. : ИНИОН РАН, 2000.

Научный руководитель – канд. социол. наук Чудова И. А.

Влияние власти на характер интимности (по материалам политических сериалов)

Зыкова М. А.

Новосибирский государственный университет

Современное понимание интимности (intimacy) включает широкий спектр отношений, начиная с прямых эротизированных контактов и заканчивая отношениями дружбы, нейтральными с точки зрения сексуальности. В качестве одного из базовых теоретических источников в данной работе используется концепция интимности Дж. Линн. Описывая интимность как континуум, она строит предположение, что интимность мыслится в категориях доверия, знания, понимания и любви, заботы и откровенности [1]. Интимные отношения разного рода могут накладываться на отношения доминирования и контроля.

Исходной посылкой работы является тезис о нестабильности интимных отношений и их изменениях под влиянием социального контекста, который развивается в работах Э. Гидденса и Р. Коннелл.

Проблема данной работы состоит в том, чтобы проследить, в каких случаях и как доминирование и контроль модифицируют характер интимности. Таким образом, проблемная ситуация формируется на возможности переопределения понятия интимности связанного с изменениями отношений гендерного равенства. В своей книге «Гендер и власть» Рэйвин Коннелл пишет о том, что «идея отношений между мужчинами и женщинами как социальной системой, имеют определенную историческую перспективу развития, в которой межличностные отношения имеют глубинные социальные последствия» [2]. Так, можно говорить, что различный характер интимности в отношениях ведет к различным социальным последствиям в более широком рассмотрении.

Материалом для анализа указанной проблемы является сериал «Карточный домик», который в случае необходимости будет дополнен материалами других политических сериалов. Инструментом анализа является дискурс-анализ и анализ визуальных последовательностей. Дискурс-анализ и анализ визуальных последовательностей дает возможность увидеть различные формы интимного поведения и проследить симметричность и асимметричность данного поведения. Также, именно через анализ политических сериалов, у нас появляется возможность проследить варианты наложения власти на различные формы интимных отношений. Таким образом, политические телесериалы, выступающие в роли эмпирического объекта, демонстрирует континуум интимных форм отношений и различные вариации властных позиций внутри данных отношений.

Таким образом, объектом исследования являются формы интимного поведения. В качестве предмета исследования выступает власть как способ поддержания и преломления интимности. Цель работы заключается в том, чтобы на основании выделения художественных маркеров социальных отношений в сериале выделить паттерны наложения властных и интимных отношений.

Рабочая гипотеза работы состоит в том, что отношения доминирования, включающие насилие, не совместимы с интимными отношениями.

В модели учтено несколько типов сценариев развития интимных отношений (диада / триада; все партнеры обладают властью; один партнер наделен властью; характер власти).

1. Lynn J. *Intimacy. Personal relationships in modern societies.* Cambridge : Polity Press. 1998.

2. Коннелл Р. *Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика* / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Новое литературное обозрение, 2015.

3. Giddens A. *The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies.* Standford : Standford University Press, 1992.

Научный руководитель – канд. филос. наук Барчунова Т. В.

Визуальные стратегии выставочных пространств

Калашникова К. Н.

Новосибирский государственный университет

Выставочные пространства являются общественными по своей природе, а всякое общественное пространство тем или иным образом включено в символическую экономику. Поэтому один из ключевых концептов данного исследования – символическая экономика. Характерные составляющие символической экономики – это город, производство символов как товаров первой необходимости, а также производство пространств, сочетающих в себе «места» и символы города и культуры. В символической экономике объединяются финансовые, трудовые ресурсы, искусство, зрелища и дизайн [1]. Экспонаты, картины, представляемые в музеях – это не только культурные объекты, они обладают экономической ценностью. «Если визуальная культура есть капитал, то способность структурировать этот визуальный ряд дает власть» [1]. Сейчас общественные пространства часто представляются как объекты потребления, места, в которых можно удовлетворить потребности, которые становятся элементами «стиля жизни».

Среди выставочных пространств нами были выделены музеи как важная составляющая часть облика города. Музеи приписывают себе способность упорядочивать разнообразие взглядов и представлять видение большинства. Кроме того, они берут на себя миссию актуализации прошлого, формирования локальной идентичности.

Таким образом, музеи существуют в условиях символической экономики, являются объектами потребления, упорядочивают существующие взгляды и формируют идентичность. Все эти грани музейной деятельности отражаются в их визуальных стратегиях, которые формируются в процессе освоения пространства культурными группами и выражаются в визуальном ландшафте.

В ходе исследования предполагается ответить на вопрос, каковы визуальные стратегии выставочных пространств? Целью исследования является выявление и описание визуальных стратегий музеев.

В качестве основной гипотезы выдвигается предположение, что в визуальном ландшафте музея выделяются визуальные стратегии, выстраиваемые с помощью нарративов, моносемичного или полисемичного представления информации, проявлений идентичности и символической нагруженности. Факторы, оказывающие влияние на визуальные стратегии, кроются в символической экономике, идеологических и этносоциальных процессах.

В качестве исследовательского кейса был выбран Новосибирский государственный краеведческий музей. Музей находится в ведомственном

подчинении Министерства культуры Новосибирской области. Выбор обусловлен желанием рассмотреть музей, который, во-первых, является знаковым в Новосибирске, во-вторых, непосредственно связан с государством как контролирующим органом. Интерес был вызван тем, что этот музей с одной стороны зависит от государства, но с другой должен следить за современными тенденциями и применять инструменты, характерные для коммерческих организаций.

Информационную базу исследования составляет официальная документация, а также статьи об истории музея, анонсы выставок, найденные на сайте. Второй источник – это материалы, полученные в результате наблюдения в Новосибирском государственном краеведческом музее.

Анализ материалов позволил выявить некоторые особенности. Залы музея несут в себе мемориальную ценность, и при этом формируют видение прошлого за счет повествований, которые сопровождают экспонаты и нагружают их символической значимостью. Но в Новосибирском краеведческом музее происходит внедрение элементов полисемичности представления информации, некоторые экспонаты доступны для самостоятельного осмотра, к ним не прикрепляется однозначное описание, посетителю предоставляется возможность самому проинтерпретировать материал. Кроме того, музей выставляет экспонаты, относящиеся к различным культурам, привлекая частные коллекции, и дает возможность различным этнокультурным группам проявить себя в общественном пространстве.

Таким образом, основным результатом исследования является построение системы характеристик визуальных стратегий Новосибирского государственного краеведческого музея. Представлена попытка интерпретации этих стратегий с точки зрения процессов экономической, политической и этносоциальной динамики.

1. Зукин Ш. Культуры городов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.

Научный руководитель – канд. социол. наук. Мосиенко Н. Л.

Фотография как способ репрезентации социальной реальности

Карих Р. Д.

Новосибирский государственный университет

Современная реальность характеризуется двумя особенностями: мы живем в обществе потребления и мире высоких технологий. Первая особенность способствует повышенной визуальности нашей жизни. А новые технологии выводят визуальность на новый уровень – современные методы репрезентации социальной реальности позволяют создавать свою собственную реальность. «Высочайший уровень фиксации и обработки изображений не приближает нас к самой действительности. Создается особая действительность виртуальная» [1].

Одним из способов репрезентации социальной реальности является фотография. Несмотря на то что в начале своего появления фотография была провозглашена объективным инструментом, сегодня амбивалентность фотореализма не вызывает сомнений [2].

Фотография произвела революцию сознания и развивалась очень стремительно, из-за чего научное осмысление данного феномена запаздывало [3]. Существовала большая неопределенность места фотографии – между искусством, технологией, способом коммуникации и пр. Отчасти это неопределенность сохраняется и сегодня.

Фотография как объект социологического анализа встречается в современных исследованиях нечасто [4]. В российской научной социологической среде в данное время преобладают труды по фотографии как о новом методе социальной науки. Среди авторов можно выделить таких, как Н. Ю. Захарова, О. Бойцова, О. Н. Запорожец, В. Л. Круткин, Е. Ю. Мещеркина-Рождественская и т. д. Некоторые, например Петр Штомпка, даже выделяют новую отрасль социологии – визуальную социологию. Однако попыток рассмотреть роль и функции фотографии в современном мире не так уж много. В связи с чем остается актуальным вопрос о роли фотографии в современном мире, как с помощью ее репрезентативных свойств индивиды конструируют свою новую социальную реальность.

Таким образом, объектом исследования является репрезентация социальной реальности. Предмет исследования – характеристики фотографии как способа репрезентации социальной реальности. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить особенности фотографии как способа репрезентации социальной реальности.

В качестве эмпирического объекта были выбраны фотографии в профилях социальной сети «Instagram». Основным контентом данной социальной сети является фото, можно утверждать, что «Instagram»

является воплощением идеи построения новой социальной реальности с помощью фотографий.

Фотографии из социальной сети «Instagram» отбирались по профилям пользователей, причем учитывались такие параметры профиля, как количество фотографий в профиле, количество подписчиков и подписок, а также характеристики пользователя – владельца профиля (пол, «информация о себе» и т. д.).

Одним из методов сбора данных является контент-анализ и разработанный для него инструментарий, в котором были определены характеристики фотографии, которые позволяют говорить, что фотография репрезентирует социальную реальность: контекст, действующие личности, действия, взаимодействия, структура, культура, окружение (среда), а также комментарии к фотографии.

После сбора данных посредством контент-анализа, нами был проведен анализ и интерпретация фотографий посредством следующих подходов. Герменевтический анализ фотографий позволил выявить и описать автора фотографии, для кого была сделана фотография и какие стереотипы и эмоции выражены на ней. Семиотический анализ фотографии позволил рассмотреть фотографию как знак или систему знаков. Дискурсивная интерпретация фотографий говорит о том, что на одном и том же снимке разные люди видят разное, что обусловлено их особенностями восприятия.

Далее нами был проведен пилотаж интервью с пользователями «Instagram», фотографии которых были отобраны и проинтерпретированы с помощью контент-анализа. Метод интервью позволит нам получить интерпретацию фотографий, сделанные пользователями, которые их сделали и разместили в сети «Instagram». Таким образом, нами была разработана типология фотографий, конструирующая различные репрезентации социальной реальности, а также проведено сравнение полученной типологии с интерпретациями фотографий самих авторов.

1. Покровский Н. Е. Умение видеть и искусство понимать. М. : Логос, 2007. С. 12.

2. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. Strelka press, 2014. С. 23.

3. Беньямин В. Краткая история фотографии // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избр. эссе. М., 1996. С. 66–91.

4. Ушкин С. Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг. 2012. № 5. С. 159–169.

Научный руководитель – Иванова В. В.

Формирование стереотипов о сектах: результаты социального эксперимента

Крюкова К. Ю.

Новокузнецкий институт

(филиал Кемеровского государственного университета)

Религия существует в каждой стране и у каждой нации. Она занимает значительное место в различных сферах общества. Каждый из нас, хочет он того или нет, сталкивается с теми или иными проявлениями религии, например, религиозные праздники или религиозные архитектурные сооружения. Сегодня в мире существует огромное множество различных новых религиозных движений, деноминаций, культов и церквей, что приводит к отсутствию четкого представления у институциональных субъектов и отдельных индивидов об идентификации той или иной религиозной организации.

Основными персоналиями, на концепции которых мы опирались при дефиниции «сект», являлись Макс Вебер [1] и Эрнст Трёлч [2].

Целью данной работы является выявление визуальных стереотипных представлений современной молодежи о сектах, а также об индикаторах религиозных организаций, идентифицируемых де-факто как секты или церкви.

Эмпирическая база исследования – результаты социологического эксперимента, в ходе которого каждому из 10-ти участников (студенты НФИ КемГУ) поочередно были продемонстрированы восемь фотографий, изображающих ситуации и объекты религиозного культа. При отборе фотографий использован критерий относительной нейтральности содержания изображения: отсутствие однозначных символов, позволяющих точно идентифицировать ту или иную религиозную общность или организацию, известные персоны и т. д. На трех фотографиях из восьми были изображения католических и православных организаций, на остальных – неинституционализованные в настоящее время в России организации («секты»). Задача участников заключалась в идентификации изображений как «церкви» или «секты», а также в артикуляции основных видных для них признаков – индикаторов, по которым они классифицировали изображения.

В целом испытуемые верно классифицировали изображения в 56 случаях из 80; в 6-ти случаях наблюдались затруднения в идентификации изображений.

После анализа полученных данных были выявлены следующие стереотипные представления о сектах.

1. Одежда изображенных персонажей – 30 упоминаний. 19 из них подразумевали наличие у сектантов специфического одеяния, которое является, по меньшей мере, похожим у всех представителей и последователей секты. В идеале же, по мнению респондентов, у сектантов должно быть одинаковое одеяние.

2. Определенное место свершения культа. В 10 случаях было отмечено, что деяния сект происходят в специфических местах, а именно: открытая местность, наличие специфических строений (например, Стоунхендж на одном из фото). Деятельность сект, по мнению испытуемых, не происходит в храмах.

3. Атрибутика и обряды. 15 упоминаний о том, что сектам присущи отличительная символика и обряды. Нетрадиционные статуи, архитектурные колонны, обряды, характеризующиеся определенным порядком действий и строгим расположением участников – все это было отмечено признаком секты. Имело место только одно упоминание о том, что в сектах отсутствуют какие-либо характерные лишь для нее знаки.

4. Количество и контингент адептов. 4 раза было отмечено, что в сектах большое количество людей; 3 раза – наличие определенного контингента верующих. По мнению испытуемых, люди преклонного возраста наиболее подвержены влиянию со стороны сект. Упоминание о том, что в сектах – ограниченное число последователей, наблюдалось единожды.

5. Персоналии, их действия. Наличие лидера и описание его деятельности указаны в 12 случаях, «зомбированные» последователи – в 18. Так, к классифицирующим секты действиям относили поднятые и протянутые к лидеру или поднятые вверх руки, касания рукой лидера головы адепта и вообще близкий телесный контакт лидера и последователей. Действия адептов часто интерпретировались как «зомбированные» или «гипнотизированные».

Также респондентами были указаны некоторые признаки сект, которые затруднительно классифицировать по выделенным ранее видам, например, хор, пение, танец и наличие цветов в помещении.

В целом, даже опираясь на столь неспецифичные и неявно представленные визуальные стереотипные признаки, большая часть испытуемых смогла верно идентифицировать изображенные религиозные организации.

1. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 7–42.

2. Трёлч Э. Социальные учения христианских церквей и групп // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 226–238.

Особенности представления биографий исторических личностей: анализ институциональных дискурсов

Мальцев М. А.

Новосибирский государственный университет

Общественное существование невозможно представить без функционирования механизмов, регулирующих и упорядочивающих социальную жизнь актора, а также обеспечивающих его комплексом ценностных установок и поведенческих моделей. Зачастую подобная задача лежит на институтах, которые транслируют определенные культурные нормы, формируют представления о мире и принимают для индивида объективное значение. Различные институты имеют собственный семантический и семиотический контексты, что свидетельствует о наличии присущих им дискурсивных процессов. Именно поэтому одни и те же явления общественной жизни могут находить свое воплощение в совершенно разных репрезентациях. Данная проблема представляет особую актуальность в том случае, когда речь заходит о репрезентации событий в исторической перспективе, которая, в свою очередь, имеет персонифицированный характер, а значит, существует необходимость в обращении к биографиям исторических личностей – носителей отличной от современной действительности – закрепленных в текстах различной жанровой специфики и направленности. Учитывая тот факт, что сигнификация – во многом субъективный процесс, предполагающий ориентацию на соответствующие культурные и институциональные фильтры, представляется актуальным говорить о воздействии структур, которые производят и воспроизводят различные типы дискурсов – иначе говоря, механизмов, «конституирующих поле идеологического значения» и определяющих социальные практики [1]. Так, следует заметить, что биографии исторических личностей могут использоваться в качестве средства дискурсивного манипулирования сознанием путем внедрения соответствующих установок и способствовать укреплению идеологии, актуальной в том или ином институциональном дискурсе.

Основной целью, стоящей перед исследователями в данной работе, является раскрытие дискурсивных особенностей репрезентации биографий одних из самых противоречивых и неоднозначно трактуемых фигур в российской истории – Ивана Грозного и Петра I – существующих и проявляющейся в различных локализованных повествованиях – иными словами, контекстах, в которых воспроизводится определенный институциональный дискурс. Выступая в роли означающего, биография может генерировать множество означаемых как «результат или эффект

интерпретации», что позволяет говорить о феномене полисемии и, более того, о полидискурсивности [2].

Информационной базой исследования являются тексты, посвященные личностям Ивана Грозного и Петра I, созданные в рамках различных институциональных дискурсов – религиозного, представленного сакральными текстами, исторического и политического, учебно-педагогического и массмедийного, а также интернет-дискурса, получающего свое распространение в свободных энциклопедиях и онлайн-словарях. Дополнительная актуальность выбранной темы обусловлена повышенным интересом к персонам Ивана Грозного и Петра I в последнее время.

Работа предполагает контент-анализ с помощью программы «Content Pro» с целью экспликации специфик дискурсов и содержательных аспектов, заложенных в их структурно-лексических особенностях. В свою очередь, это позволит выявить маркеры принадлежности к различным институциональным дискурсам и, кроме того, получить представление о способах их воплощения, которые определяют наполнение текста.

Результаты исследования представлены как сравнительный анализ различных текстуальных особенностей: связь словоформ по контексту, лексическое разнообразие, структурная и грамматическая сложность, а также характеристики используемого словаря. Обнаруженные отличия описаны как дискурсивные специфики, с помощью которых институты задают восприятие окружающей и исторической действительности, детерминируя жизнь индивида и актуализируя требования и ценности, которые проецируются универсумом дискурса. В этом случае биографии исторических личностей могут выступать в качестве инструмента, формирующего общественные (в том числе властные) тренды и иллюстрирующего их последующее изменение.

1. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 130.

2. Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 39.

Научный руководитель – канд. социол. наук Чудова И. А.

**Значения феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов»
и «цифровых мигрантов»: повседневность и постсовременность**

Маракасова А. А., Раднаева А. В.
Новосибирский государственный университет

Интернет стремительно проникает в жизни современных людей благодаря распространению гаджетов, позволяющих иметь доступ в Интернет постоянно. В данной работе рассматриваются (и сравниваются) два поколения в практике пользования Интернетом: поколение, «выросшее» в Интернете, относится к нему как к неотъемлемому факту жизни и среде общения, мы называем «цифровыми аборигенами» (условно – поколение отцов); тогда как поколение, в чью жизнь появился Интернет уже в осознанном возрасте, будут обозначены как «цифровые мигранты» (условно – поколение детей). Представляется значимым исследовать, отличаются ли и чем именно практики и мотивации пользователей с различным стажем пользования, у поколений отцов и детей.

Рассматривается феномен «онлайн» как способ коммуникации и самоощущения человека в постсовременном мире, опосредованное «нечеловеками» и выражающееся в осуществлении практик в интернет-реальности. В исследовании описывается ситуация, характерная для общества постсовременности: фрагментация реальности (-ей), размытие границ виртуальной и не-виртуальной реальностей, интернет-среды и коммуникации лицом к лицу и особенностях конструирования «правил» общения. В исследовании раскрывается вопрос о том, становится ли граница между «онлайн» и «офлайн» мирами все призрачнее, т. е. представляются ли миры все более проницаемыми.

Объектом данного исследования является значение феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов». Предмет исследования – значение феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов» в повседневном мире в контексте постсовременности. Основное намерение заключается в том, чтобы выявить особенности значения феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов» в повседневном мире в контексте постсовременности. Основная гипотеза связана с идеей о том, что феномен «онлайн» в постсовременной реальности является определяющим значением, организующим и структурирующим повседневность поколения «цифровых аборигенов» и выступает как дифференцированная реальность (представляется как поля, с различным набором практик и правил) для поколения «цифровых мигрантов».

Восприятие феномена «онлайн» «цифровыми аборигенами» и «цифровыми мигрантами» в данной работе будет определено следующим набором пунктов:

- пребывание в среде «онлайн» (количество проведенного времени, доступ в Интернет, ритуалы пользования Интернетом);
- значимость Интернета в жизни людей и включенность Интернета в мир повседневности и социальные практики.

В результате исследования собрано более 30 глубинных интервью. Выяснилось, что представители разных поколений могут иметь как признаки «аборигенности», так и признаки «мигрантности», а именно, процесс социализации, когда человеку было присуще тесное общение с Интернет средой не всегда ведет к «аборигенности», и наоборот, отсутствие Интернета в период социализации не всегда ведет к «мигрантности» индивида. Также уточнен вопрос относительно восприятия индивидов феномена «онлайн» среди поколений («мигрантов» и «аборигенов»), кажется, что Интернет наиболее тесно встроен в повседневность поколения «аборигенов», и, можно сказать, феномен «онлайн» для них становится «естественным» состоянием.

Данная работа выполнена в рамках проекта исследования интернета как особой среды коммуникации «Интернет-коммуникации в представлениях и практиках “цифровых аборигенов” и “цифровых иммигрантов”»: линии различия поколений».

Научный руководитель – канд. социол. наук. Чудова И. А.

**Религиозно-философский медийный дискурс в социальных сетях:
«живой» тезаурус и конструирование смысла**

Маракасова А. А., Терешков Н. А.
Новосибирский государственный университет

В постмодернистской эпохе интернет выступает одной из основных площадок языковых игр*, в которых реальные производства значения, свободная коммуникация замещается хаотическим обменом большого количества информации и проговариванием дискурсов. Такого рода гиперреальность перманентно усиливает разрыв, дистанцию с непосредственной реальностью в мировосприятии индивида, поскольку с иллюзией большей деятельности в интенсивном интернет коммуницировании, он наоборот лишает себя способности к реальной объективации, в глобальном плане переживает отчуждение, «лишается» своей жизни.

Коммуникативные практики в интернет пространстве (в частности, в социальных сетях), обыкновенно протекают в контексте того или иного дискурса, что, определяет специфику и направленность «принадлежащих» определенному дискурсу феноменов. Дискурс как социальная практика предполагает взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуацией, которые задают его структуру и формируют дискурсивное событие, и в то же время дискурсивное событие формирует их, таким образом, без дискурса не существует социальной реальности, он является конституирующим элементом мира, т. е. поддерживает, воспроизводит и трансформирует своей так называемый социальный статус-кво, или более радикальная позиция может быть выражена как то, что «человек больше не использует язык, чтобы выразить самого себя, скорее язык «говорит» через личность».

Данное исследование направлено на выявление особенностей конструирования смысла и формирования «живого» речевого тезауруса в дифференцированных интернет-сообществах. Объектом является религиозно-философский медийный дискурс, Предметом же выступает конструирование смысла и «живой» речевой тезаурус в религиозно-философском медийном дискурсе. Основной гипотезой исследования можно назвать предположение о том, что «живой» речевой тезаурус предопределен, структурирован дискурсом и субъект ограничен в конструировании значений, поскольку в самой формулировке сообщения ему необходимо обращаться к сфере социального опыта и языку, структурно распределенным в социальном поле.

Проведенный анализ, выполненный в русле количественных исследований (статистических), был выполнен помощью алгоритма

word2vec, который обучаясь на большом количестве текстов, позволяет определить смысловую «близость» словоформ, осуществлять визуализацию ассоциатов (наиболее близкие по смыслу слова, отобранные моделью (с наибольшим значением косинусной близости)). А также выявлять концепты, которые наиболее выраженным образом дифференцируют «типы» дискурсивных полей, а также определяет семантику слова в результате анализа его контекста: «Нужно знать слово в его окружении» [Firth, 1957]. Выборку составляют содержательные посты различных тематических сообществ социальных сетей «Facebook» и «Вконтакте» (на английском и русском языках), в ракурсе тем, затрагивающих экзистенциальные вопросы человеческого бытия, философско-религиозные течения (в выборку были включены в сообщества, декларирующие свою приверженность какой-либо мировой религии, так и «нео» религиозные течения).

В результате проведенного анализа были получены содержательные выводы о дискурсивных особенностях словоупотребления при конструировании смыслов: определены «живые» речевые тезаурусы, отмечены их вариации в зависимости от дискурсивного поля. Были описаны конкретные лексические ограничения живой речи, которые не позволяют субъекту в рамках интернет-коммуникации и границах отдельных дискурсов быть «автором» собственного текста, производить собственные значения, «разрушать» господствующие коды медиа-коммуникации.

Научный руководитель – канд. социол. наук Чудова И. А.

Массовые открытые онлайн-курсы и вызовы цифровой эры: мотивация, практики и результаты обучения

Смирнова Т. А.

Новосибирский государственный университет

Сегодня производство знаний и высоких технологий служит основным источником роста экономики в развитых странах. Главным фактором формирования и развития экономики знаний является человеческий капитал [1]. Растет потребность экономики в высококвалифицированных, творческих молодых людях, которые будут проектировать инновации. Кроме того, новые технологии автоматизируют рутинные участки производственной деятельности, из-за чего должностной функционал и отдельные должности меняются или исчезают вовсе в течение нескольких десятков лет. Происходит переход от парадигмы «учеба, а затем работа» к обучению в течение всей жизни [2]. В этой связи формируется потребность в гибких и недорогих способах обучения, которые позволяют адаптироваться к меняющимся потребностям рынка труда с минимальными потерями времени и денег.

В последнее время внимание аудитории привлекли массовые открытые онлайн-курсы (МООК). МООК – это образовательный формат, который предоставляет бесплатный доступ неограниченному количеству слушателей к онлайн-курсам, разработанным ведущими мировыми университетами и лидерами рынка. Кроме того, каждый МООК имеет форум, где слушатели могут обмениваться знаниями и опытом по теме курса. Слушатели МООК самостоятельно определяют цели обучения, выбирают где, когда и как часто заниматься. Формат обучения не предполагает внешних стимулов, а окончание курса зависит только от внутренней мотивации слушателя.

Однако, несмотря на взрыв интереса аудитории к МООК, только 7–10 % из числа зарегистрировавшихся слушателей оканчивают курс [3]. Встает вопрос, правомерно ли говорить о массовости МООК, если львиная доля аудитории курса не заканчивает обучение. Кроме того, ядро активных пользователей составляют те, кто уже имеет университетскую степень и занят на рынке труда [4]. Таким образом, несмотря на предположения о революционном потенциале МООК демократизировать сферу высшего образования, МООК иллюстрируют воспроизводство неравенства в доступе к образованию.

Объект исследования представляет собой саморегулируемое обучение, так как слушатели МООК руководствуются в основном внутренней мотивацией при прохождении курса. Так как обучение на МООК носит добровольный характер, нам представляется нецелесообразным

рассуждать о нем в терминах выбытия / завершения. В этой связи мы сфокусировались на образовательных практиках слушателей MOOK. Исследование отвечает на вопросы: какие существуют типы образовательных практик слушателей MOOK? Каким образом разные типы мотивации вносят вклад в образовательные практики слушателей MOOK? Каким образом слушатели MOOK определяют субъективные критерии результата обучения?

Анализ эмпирических исследований по теме выявил, что работы выполнены преимущественно в количественной традиции, а типы мотивации и образовательных практик рассматриваются независимо друг от друга. Таким образом, использование качественных методов, а также рассмотрение мотивации и практик в связке позволяет разобраться с многослойным конструктом мотивации, как можно более детально описать существующий спектр образовательных практик, а также изучить какой вклад мотивация вносит в образовательные практики слушателей.

Поставленные в работе исследовательские вопросы обсуждаются на материалах 15 собранных автором качественных интервью с путеводителем.

В качестве информантов отбирались люди, имеющие опыт обучения на MOOK. Чтобы представить разнообразие образовательных практик слушателей MOOK максимально широко, при отборе информантов учитывались такие параметры, как опыт обучения на разных MOOK-платформах, а также опыт успешного завершения обучения на MOOK.

1. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. На кануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–236.

2. Baturay Meltem An overview of the world of MOOCs // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 174. P. 427–433.

3. Castillo N., Lee J., Zahra F., Wagner D. MOOCs for Development: Trends, Challenges, and Opportunities // Information & International Development. 2015. № 11. P. 35–42.

4. Jordan K. Initial Trends in Enrolment and Completion of Massive Open Online Courses // The International Review of Research in Open and Distance Learning. 2014. Vol. 15. № 1. P. 133–160.

Научный руководитель – канд. социол. наук Ечевская О. Г.

Массовые открытые онлайн-курсы: критерии успешности обучения

Трусевич А. В.

Новосибирский государственный университет

Новая волна технологических инноваций в обучении, которая неизбежно изменяет модели создания, сохранения и трансляции знаний, привела к развитию платформ многопользовательских онлайн-курсов. Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) названы в числе 30 наиболее перспективных тенденций в развитии образования до 2028 г. [1] и активно приветствуются такими международными организациями, как ООН и ЮНЕСКО в качестве эффективного способа трансляции знаний, в том числе в бедные и развивающиеся страны [2]. Аудитории одной из крупнейших онлайн-площадок – Coursera – доступны более 2000 курсов от 149 ведущих университетов мира [3], при этом сегмент русскоговорящих обучающихся является одним из самых быстрорастущих в последние годы.

Потенциал массовых открытых онлайн-курсов является слабо изученным не только в российских, но и зарубежных исследованиях. Спектр представлений о критериях успешного обучения ограничен показателями, измеряемыми на основе предоставляемых онлайн-платформами данных: вовлеченность и активность пользователей на протяжении периода прохождения курса, процент завершивших обучение [4]; количество обращений слушателей на дискуссионные площадки, количество просмотров видео- и аудиоматериалов, количество выполненных заданий [5] и т. п.

Проведенные исследования акцентируют внимание на измерении количественных характеристик, не используя потенциал рефлексии слушателей относительно критериев успеха онлайн-обучения. Кроме того, они имеют ограниченный горизонт анализа проблематики, не распространяющийся на период после завершения обучения. В данном исследовании внимание фокусируется на представлениях об успехе обучения разных групп пользователей на основе ретроспективной рефлексии успешно завершивших онлайн-курсы. Поиск потенциальных информантов осуществлялся среди русскоязычных пользователей МООК – участников сообществ в социальной сети «ВКонтакте». На момент опроса информанты проживали в различных городах РФ (Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Самаре, Магнитогорске, Ставрополе, Калининграде), а также в Украине, Казахстане, Молдавии, Германии, Вьетнаме. Сбор данных проводился в процессе нарративных интервью [6] в период с декабря 2016 г. по январь 2017 г. (N = 30). В результате анализа текстов интервью выявлены основные повторяющиеся сюжеты в

нарративах респондентов, связанные с онлайн-обучением и его влиянием на последующие события их жизни.

В результате исследования не была опровергнута гипотеза, согласно которой получение сертификата онлайн-платформ, подтверждающего завершение курса, является критерием успешности онлайн-обучения для слушателей из русскоязычного сегмента. Особенности постсоветского пространства таковы, что сертификат имеет большее значение на рынке образования как индикатор успеха завершения онлайн-курса и не распространяется широко за его пределы, в том числе на рынке труда. Респонденты объясняют это слабой информированностью работодателей о платформах и особенностях онлайн-обучения. В связи с этим полезность онлайн-курсов в сознании пользователей часто ассоциируется не только с получением сертификата, но и дополнительных практических навыков для улучшения карьерных возможностей в будущем и профессионального развития. В этом смысле онлайн-платформы становятся важным инструментом образовательного рынка и, будучи встроенными в индивидуальные образовательные траектории обучающихся, могут использоваться при профессиональной подготовке.

Полученные результаты, требующие проверки на больших массивах данных в последующих исследованиях, могут оказаться полезными для развития цифрового образовательного пространства в России.

1. Мазуров А. Ю. Массовые открытые онлайн-курсы в контексте современного образовательного процесса в сфере высшего образования // Открытое и дистанционное образование. М., 2015. № 1. С. 24.

2. Массовые открытые онлайн-курсы (MOOK) [Электронный ресурс] / [Обращение к документу 16 февраля 2017]. URL : <http://rusere.ru/prakt/vvedenie.php>

3. Coursera: Наши партнеры [Электронный ресурс] / [Обращение к документу 16 февраля 2017] URL : <https://www.coursera.org/about/partners>

4. Littlejohn A. Learning in MOOCs: Motivations and self-regulated learning in MOOCs / A. Littlejohn, N. Hood, C. Milligan, P. Mustain // Internet and Higher Education. 2016. № 29. P. 40–48.

5. Rai L., Chunrao D. Influencing Factors of Success and Failure in MOOC and General Analysis of Learner Behavior // International Journal of Information and Education Technology. 2016. № 4. P. 262–263.

6. Schwandt T. Dictionary of Qualitative Inquiry. Sage: Thousand Oaks. 2001. P. 171.

Научный руководитель – канд. социол. наук, доц. Саблина С. Г.

Мотивы и стратегии решения жертвенных моральных дилемм

Шабалин А. П.

Новосибирский государственный университет

В настоящее время проблема морального выбора приобретает особое значение. Произошедший во второй половине XX в. переход экономически развитых стран к постиндустриальному типу общества характеризовался не только экономическими преобразованиями, но и трансформацией способов коммуникации, а также возникновением специфической культуры постмодерна. Жизнь постсовременного человека приобретает все более фрагментарный, хаотический характер. Исчезновение прежних систем ценностей, стратегий поведения и принятия решений приводит к «онтологической неуверенности» постиндустриального общества. З. Бауман полагает, что именно мораль становится одной из «первых жертв» процесса пересмотра ценностей; сегодня на смену «уникальным и самоценным личностям, достойным уважения и заботы» приходит понимание человеческого существа как своеобразного объекта, необходимого для удовлетворения той или иной потребности. Постсовременность цинично подчеркивает видение человека как средства, прежде скрывавшееся за пеленой «романтической модернити» [1].

Актуальность обращения к теме морального выбора, таким образом, оказывается двояко обусловленной: во-первых, нарастающая неопределенность, связанная с трансформацией систем ценностей, значительно усложняет процесс принятия субъектом решений, имеющих моральную подоплеку; во-вторых, вопреки кантрианской этике, человек в эпоху постмодерна все в большей мере становится не «целью», а «средством».

Изучение проблемы морального выбора осуществляется преимущественно в рамках философии, психологии, нейрофизиологии и экономики. Между тем, эвристичным представляется обращение к смысловой сфере актора, его мотивам и опыту (обычно остающимся за пределами рассмотрения). Именно социология может обеспечить подобный феноменологический взгляд на субъект принятия решения в ситуации столкновения с моральной дилеммой, позволяя также выделить стратегии, к которым прибегает актор, осуществляя выбор.

В основе классической экспериментальной парадигмы в эмпирических исследованиях морального познания лежит предъявление моральных дилемм – коротких историй о ситуациях, содержащих в себе моральный конфликт, т. е. предполагающих противоречие между конкурирующими моральными соображениями. Примечательным моментом является то, что

с позиции социологии само решение моральной дилеммы может быть рассмотрено как социальное действие, что существенным образом дополняет общепринятую дихотомию «утилитаристское решение» – «деонтологическое решение» (основанную на сравнении осуществленного выбора с нормативными стандартами утилитаристской или деонтологической этики соответственно), предоставляя дополнительные возможности для анализа.

Объектом настоящего исследования является решение жертвенной моральной дилеммы как социальное действие. Характерной чертой жертвенной дилеммы является наличие конфликта между необходимостью спасти группу людей от бедствия и необходимостью причинить вред другому лицу или группе лиц для достижения этого. Решение жертвенной моральной дилеммы может рассматриваться как социальное действие в силу своего осмысленного характера, а также ориентации на другого.

Предметом исследования являются мотивы и стратегии решения жертвенной моральной дилеммы в контексте картины мира актора.

Целью исследования является выявление и описание мотивов и стратегий решения жертвенных моральных дилемм в контексте присущих субъектам принятия решения картин мира.

В качестве методов исследования используется предъявление жертвенных моральных дилемм и глубинное интервью, позволяющее получить более полную информацию о мотивах респондентов.

Результатом исследования должно явиться выделение, описание и типизация стратегий и мотивов принятия решения в условиях жертвенной моральной дилеммы, предполагающие определение «положения» в пространстве, задаваемом дихотомией «утилитаризм – деонтология» и идеальными типами социального действия по М. Веберу. Согласно выдвигаемой гипотезе, акторы будут обращаться к рациональным стратегиям, носящим утилитаристский характер, и руководствоваться преимущественно рациональными мотивами, что согласуется с вышеприведенными представлениями о трансформации системы ценностей и образа человека.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. Первушина О. Н.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Альмухаметов Р. Ш.	5	Макаренко А. С.	49
Анисимова С. Е.	65	Мальцев М. А.	82
Бадмацыренова С. Б.	7	Маракасова А. А.	84, 86
Басина П. А.	66	Медведева А. В.	19
Белоусова К. О.	9	Паутова Д. Н.	51
Бородихина И. А.	11	Перелыгина В. А.	53
Бугрова А. В.	13	Погребняк Е. В.	21
Васильева А. А.	35	Полянская М. Н.	55
Вежновец Е. А.	68	Попкова К. В.	23
Горестов О. И.	15	Раднаев Н. З.	57
Джанызакова С. Д.	37	Раднаева А. В.	84
Егоршева З. И.	39	Руш О. А.	25
Ескина М. Д.	41	Рябушкин Н. Н.	27
Жук А. В.	70	Семенов П. Д.	59
Журавлев Э. В.	43	Сетдарова Р. Р.	61
Зарчиков Р. В.	51	Смирнова Т. А.	88
Зыкова М. А.	72, 74	Терешков Н. А.	86
Иванова Е. А.	45	Трусевич А. В.	90
Калашникова К. Н.	76	Тютрина А. Ю.	29
Карих Р. Д.	78	Файзулина А. Т.	31
Катышева Т. С.	17	Чечикова С.	33
Корчагина А. П.	47	Шабалин А. П.	92
Крюкова К. Ю.	80	Шахворостова Е. С.	63

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	5
Альмухаметов Р. Ш.	5
Бадмацыренова С. Б.	7
Белоусова К. О.	9
Бородихина И. А.	11
Бугрова А. В.	13
Горестов О. И.	15
Катышева Т. С.	17
Медведева А. В.	19
Погребняк Е. В.	21
Попкова К. В.	23
Руш О. А.	25
Рябушкин Н. Н.	27
Тютрина А. Ю.	29
Файзулина А. Т.	31
Чечикова С.	33
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	35
Васильева А. А.	35
Джаньзакова С. Д.	37
Егоршева З. И.	39
Ескина М. Д.	41
Журавлев Э. В.	43
Иванова Е. А.	45
Корчагина А. П.	47
Макаренко А. С.	49

Паутова Д. Н., Зарчиков Р. В.	51
Перельгина В. А.	53
Полянская М. Н.	55
Раднаев Н. З.	57
Семенов П. Д.	59
Сетдарова Р. Р.	61
Шахворостова Е. С.	63
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ	65
Анисимова С. Е.	65
Басина П. А.	66
Вежновец Е. А.	68
Жук А. В.	70
Зыкова М. А.	72
Зыкова М. А.	74
Калашникова К. Н.	76
Карих Р. Д.	78
Крюкова К. Ю.	80
Мальцев М. А.	82
Маракасова А. А., Раднаева А. В.	84
Маракасова А. А., Терешков Н. А.	86
Смирнова Т. А.	88
Трусевич А. В.	90
Шабалин А. П.	92
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	94

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
55-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МНСК–2017

СОЦИОЛОГИЯ

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 31.03.2017 г. Формат 60x84/16

Уч.-изд. л. 6,1. Усл. печ. л. 5,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 46.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2